

МАРИАННА КРАСОВСКАЯ

16+

ЦИТАДЕЛЬ:
ДОЧЬ СВЕТА

Марианна Красовская

Цитадель: дочь света

«Автор»

2019

Красовская М.

Цитадель: дочь света / М. Красовская — «Автор», 2019

А что, если я - эльф? И мое место - в другом мире, где мой род и мужчина, предназначенный мне судьбой? Именно поэтому на меня и моих друзей началась настоящая охота. Мне предстоит много осознать и принять, многое потерять и найти

© Красовская М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Я – эльф?	5
Глава 2. Недоразвитая	9
Глава 3. Стая	12
Глава 4. Дорога дальняя, дом казенный	16
Глава 5. Раз-два-три, елочка гори	19
Глава 6. Прибытие	22
Глава 7. Чужое прошлое	25
Глава 8. Дом, который построил... не Джек	30
Глава 9. Утро добрым не бывает	33
Глава 10. В каждом монастыре свой уклад	36
Глава 11. Женская доля	39
Глава 12. Любит – не любит – плюнет – поцелует	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марианна Красовская

Цитадель: дочь света

Глава 1. Я – эльф?

Он появился внезапно, ниоткуда.

В тот день меня мучила страшная головная боль, я не могла даже лежать тряпочкой в постели. Мне отчаянно не хватало... чего-то. Это странное состояние тоски охватывало меня всё чаще. Как это пережить, я знала.

Села в машину и поехала в поле. Да, весна, грязи по колено, я в резиновых сапогах и полушубке из искусственной норки, а кругом поет воздух. И небо, небо! Раскинув руки, задрав голову, я тоненьким противным голоском затянула какой-то мотивчик, пришедший мне в голову. Со мной такое бывает. Последнее, что я успела увидеть – это черная тень, стремительно бросившаяся на меня. Я, кажется, не успела даже крикнуть. Грязно-серый ноздреватый снег пополам с хлюпающей землей приняли меня в свои объятия, увы, не слишком смягчив удар. И стало темно.

– Эльф-ф-фф, – прошипело существо надо мной.

Я широко раскрыла глаза.

Передо мной был грязный, заросший бородой молодой мужчина, почти мальчик. Волосы в колтунах, на теле – нечто среднее между картофельным мешком и балахоном монаха-отшельника. Снятого с истлевших костей. Лет так двести назад. Бомж, одним словом. Однако он мне совершенно определенно понравился. У него были чудесные черные глаза с пушистыми ресницами.

Я валялась на земле в какой-то пещере, а скорее, даже землянке. Моя псевдо-норковая шубка (почти новая, между прочим) была накинута на плечи этого существа с красивыми глазами, перчатки и сапоги отсутствовали. Было холодно и жестко, но ничего не болело. Я знала, что ударилась головой, но ощутив затылок, не обнаружила ни шишки, ни другого подтверждения своих ощущений.

– Эльф? – снова склонился надо мной бомж. В голосе его звучал вопрос.

– Сам такой, – с достоинством ответила я, поднимаясь с пола.

Он изумленно смотрел на меня. Наивный мальчик! Я двадцать лет работала с трудными детьми! Меня ругали, шантажировали, угрожали, пытались похитить. Ничего нового.

– Ты откуда такой грязный? – спросила я его. – Мыться не пробовал?

– Я вервольф! – гордо ответил мальчик.

– Оно и видно, – кивнула я. – Чумазый, вшивый и весь в грязи.

– У меня нет вшей, – пробормотал юноша неуверенно.

– Шубу отдай, Вервольф, – спокойно попросила я. – Холодно.

– Не дам, – буркнул мальчишка. – Моя добыча. Тем более эльфы не носят шкуру убитых животных.

– Какой я, к черту, эльф? – фыркнула я. – Шубу отдай, кому говорю. Тем более, она искусственная. Начитаются Сильмаррионов всяких...

– Ты эльф, – не унимался парень. – А я вервольф.

– И что? Ты должен меня съесть? – удивилась я.

Поняв, что тут дело нешуточное, я выволокла из угла землянки старый пенёк и уселась на него.

– Съесть, может, и должен, – задумчиво пробормотал парень. – Да было бы что есть...

– Голодный что ли? Чего тебе от меня надо?

– Пропуск хочу, – нахмурился парень. – Домой хочу.

– И я хочу, – вздохнула я. – Я пойду, ладно? Не провожай, выход сама найду.

Я поднялась с чурбана и по стеночке осторожно (босиком, между прочим, в одних носках) пошла к выходу, обозначенному трухлявой дверью и неслабым сквозняком. Парнишка обалдело смотрел на меня, не двигаясь. Он явно не ожидал, что жертва будет столь спокойна. Я же в свою очередь сочла его неопасным. Однако едва я взялась за ручку двери, он зарычал. Натурально так, словно собака. Я даже подпрыгнула от неожиданности, потому что собак я все еще понимала. И в этом рыке я ясно услышала, что за дверь мне нельзя. Что он и сам бы туда ни за что не сунулся. Во всяком случае, пока солнце не взойдет. Я наклонила голову, прислушалась. Да, я сразу передумала выходить наружу. Там было что-то... что-то очень неприятное и угрожающее.

– Вы правы, уважаемый, – вздохнула я. – Лучше подождать до утра. Как думаете, мою машину они не тронут?

Парнишка с откровенной усмешкой спросил:

– Как же ты меня поняла, если ты не эльф?

Я неопределенно пожала плечами. Зябко. Так, шубу он мне, похоже, не отдаст. Жаль, жаль. Но не смертельно. Новую куплю, тем более, что уже весна.

– Слышь ты, вервольф, сапоги мои куда дел? Ноги замерзли. А если я заболēju?

– Эльфы не болеют, – фыркнул вервольф. – А сапоги я выкинул, воняют. Вон, валенки в углу возьми.

– Еще бы не воняли, рыбацкие же сапоги, – проворчала я, снимая склизкие от грязи носки и залезая в валенки. – Говоришь, не болеют?

– Не болеют. А еще у них волосы на теле не растут. В смысле на ногах, под мышками и вообще...

Вот тут-то я и села. Волосы у меня и в самом деле не росли. К врачам я, понятно, не обращалась, для чего к ним обращаться? Еще найдут загадочную болезнь имени меня и будут пичкать всякой химией.

Так-так! Происходящее начинало меня тревожить. Не подумайте, что меня похищают каждый день психи и затаскивают в землянку. Просто на курсах психологов мы проходили и этот урок. Опять же мальчик мне нравится – не боюсь я его! Пока все было в рамках разумного: ну бомж, ну свихнулся маленько, ну стукнул и к себе уволок. Звери на улице, ночь – тоже нормально. Но вот откуда, откуда он может знать? Эльфы, вервольфы – бред какой-то!

А может, это я схожу с ума? Старческий, так сказать, маразм? В сорок семь? Не рановато? Мне, правда, никто больше тридцатника не дает, да и то приходится старить себя – юбки-размахайки, очки, отсутствие косметики, волосы строгим пучком... А особо настырным приходилось врать про пластику – заодно и Антоху рекламировала.

Антоха хороший, он – одна из моих первых удач. Когда мне его привели, он был неуправляемым тринадцатилетним подростком, озлобленным на весь мир, малолетним вором, наркоманом, хулиганом... Жизнь его побила, потрепала, да... Так же, как и я, он рос в детдоме. К сожалению, не в том, где росла я. У нас было прилично. Ему повезло гораздо меньше. Мать от него отказалась, отцу мальчик стал нужен, когда Антохе лет 11 было. Папаша тогда в аварию попал, поломало его. Детей, врачи сказали, не будет. Тут-то он и вспомнил, что когда-то у него сын родился, разыскал, забрал, в злато-серебро одел, с тарелочки кормил. Ага, благодарности дождался. Сынок то машину угонит, то вещи из дома продает, то прохожих грабит. Наркотики опять же. А в детском доме кушать захочешь – отберешь у другого. Кто сильный, тот и сытый. Помаялся папаша пару лет и ко мне привел.

Я Антона долго ломала. Жалко же парня, хороший он. Где-то глубоко внутри. Где-то очень глубоко. И в детский дом мы с ним ездили, и мать его разыскали. И ничего, выправился парень, за ум взялся. Решил врачом стать, хирургом. Сейчас к нему на операции со всей России

в очередь стоят. На пластические, правда. Мало кто знает, что кроме этого он детей из детдомов и бедных семей с дефектами внешности оперирует. Он об этом не распространяется и денег не берет. Говорю же – хороший парень, золото!

К чему я об Антошке вспомнила? Да вот парнишка этот мне его напоминает. Тоже чистый. Светлый внутри. Детки же почти все светлые. Дважды мне только попадались пропащие. Я за одного пыталась взяться, но мне это оказалось не по зубам. Я сама чуть с ума не сошла. Он потом девочку малолетнюю изнасиловал и жестоко убил. А отец в тюрьме приплатил кому надо, и пацана по-тихому придушили, типа самоубийство. А второй в психушке сейчас, за семью замками. Я сразу родителей предупредила, что ничего сделать нельзя. Они когда про первого справки навели, мне поверили. Но обычно даже в самом темном человеке имеется светлое пятнышко. Священники его называют душой, философы – совестью. И моя задача – выяснить, чем его кормить, чтобы оно выросло. Антошку вот на операции детские пускали. Он там как мышка в углу сидел.

А за дверями были не темные и не светлые, а просто другие. Не люди. И что-то их сдерживало. Что-то скрывало нас от их взгляда.

– Слышь, эльф, – развязно произнес юноша. – Тебя как хоть зовут-то?

– Во-первых, извольте быть со мной на «Вы», – чопорно ответила я. – А во-вторых, меня зовут Галина Ивановна.

– Галла, значит, – кивнул парнишка. – А чего на вы-то? Ты ж меня младше.

Галла, хм. А что, красиво. Куда красивее, чем Галка или Галя.

– Мне сорок семь лет, молодой человек.

– Да? Ну ты ж несовершеннолетняя, выходит, – удивился парень. – Это ты мне выкать должна, мне уже двадцать-то стукнуло.

– Ну да, а я японский летчик-испытатель, – кивнула я.

– Чего?

– Не чего, а что. Врешь, говорю, вот что. Или под психа косишь. Но меня не проведешь, я психов издалека вижу.

– А что еще умеешь? – поинтересовался парень. – Зверей понимаешь, психов видишь, не болеешь, растет у тебя все как на дрожжах. Кто ты по жизни? Лекарь? Провидица? Учитель? Защитник?

– Скорее, учитель, – признала я. – И немного защитник. Я специалист по трудным детям.

– А разве бывают трудные дети? – удивился парень.

– Бывают, – вздохнула я. – Злые, испорченные, сломанные, запутавшиеся... А бывают пустые или, самое страшное, с мертвой душой.

– Морлоки, – кивнул вервольф. – И ты сможешь их отличить от обычных людей?

– Смогу. Но душу у них найти не могу.

– Ты что, ты что! – замахал руками парень. – Морлоки очень опасны! Они чужими душами питаются! И чем больше народу уничтожат, тем сильнее становятся. Это ты детей видела таких?

– Да, двоих.

– И что с ними стало?

– Один убил девочку. Маленькую. Очень жестоко убил. Его родной отец уничтожил. Другого заперли в психушке.

– Эх! Надо тоже уничтожать, иначе, если выберется, натворит бед. Значит, ты – Водящая Души. Круто! Более того, ты опытная Водящая. Теперь ясно...

– Что тебе ясно? – напряженно спросила я.

– Почему за тобой охота пошла.

– Какая еще охота?

– А ты думаешь там, за дверью, меня что ли ищут? Ха-ха! Да нафига я им сдался, я просто беглый вервольф. Тебя они пасли. Конечно, ты сама виновата. Зачем в место силы пришла? Да еще петъ вздумала.

– А зачем они... эээ... меня ищут? – осторожно спросила я. – И кто это «они»?

Глава 2. Недоразвитая

Что я ненормальная, я знала и раньше. Или, скорее, альтернативно одаренная. Взять хотя бы мои успехи в садоводстве. На мои цветы съезжалась вся округа. Наш детский дом прославился когда-то на весь Советский Союз. А как же! Образцовый детдом, образцовое воспитание! Я считалась ребенком-уникумом. Недоразвитым, конечно, не без этого, но в детских домах каждый третий такой. У меня росло все, что я втыкала в землю. Я разговаривала с кошками и собаками.

Я рисовала странные миры, увиденные во сне – на стенах, заборах, обоях – и меня за это нещадно лупили по рукам. Это потом мои картины стали брать на выставки.

В детский дом, судя по записям, я попала года в два. Меня нашли в чистом поле, в каком-то колхозе, родители неизвестны. Росла я плохо, кушала тоже плохо, но не болела. Разговаривать начала поздно, лет в пять. Тогда меня и удочерила пара художников, заинтересовавшихся моими рисунками. Хорошо ли, плохо ли – они не видели во мне ребенка. Я не играла в куклы, не ходила в детский сад и школу, зато в моем распоряжении были холсты и краски, любые музыкальные инструменты, был свой огород (мы жили круглый год на даче – мама было дочерью известного партийного деятеля). Аттестат мне, конечно, выдали – как трудный ребенок я обучалась на дому. Таких, как я, было еще десять – странных талантливых детей со всех концов Советского Союза. Трое из них умерли в детстве, некоторые стали известными, а кто-то так и остался дурачком. Относительно нормальными, кроме меня, оказалось трое – самый старший Павел, Вероника и Даша. Павел стал архитектором и уехал за границу, Вероника весьма удачно вышла замуж, а Даша защитила докторскую и тоже уехала из страны.

Я же долгое время по классификации моих родителей считалась неудачной, хотя и не дурочкой. До восемнадцати лет мне ставили задержку в развитии, а потом я вдруг внезапно начала расти, словно была подростком. В двадцать пять я поступила в педучилище – и ничем не выделялась из толпы бывших восьмиклассниц. В паспорт мне никто не заглядывал, и я благополучно проучилась там четыре года. Никаких успехов в учебе от меня не ждали, и только в литературе и рисовании меня хвалили. Стихи я любила и запоминала мгновенно, а рисунки были хоть и необычны, но всем нравились. Еще лет в восемь мои приемные родители обнаружили, что уши у меня начали быстро расти, и нашли врачей, устранивших этот дефект. Так что уши у меня как раз нормальные, человеческие, чего не скажешь о глазах. Глаза у меня невероятно зеленого цвета, волосы почти белые, густые и длинные. Мне бы хотелось сказать, что в моих зеленых глазах утонула немало мужчин, но это ложь. Мужчины меня интересовали, но за мной ухаживали либо малолетки, либо знакомые мужа Вероники, которая меня опекала – бритоголовые, наглые, в малиновых пиджаках.

Меня не интересовала политическая ситуация в стране, меня она абсолютно не затрагивала. Вероника устроила меня сначала воспитателем в элитный детский сад, где на меня молились, но там я проработала недолго. Мне проще было на дому и в специализированных центрах. Я любила детей, особенно – трудных детей. Занималась я и подростками, попутно изучив психологию. От работы я получала огромное удовольствие. Деньги платили немаленькие. Хватало на хлеб, и на масло, и на колбасу.

Советский Союз развалился, новая Россия все крепче становилась на ноги, но моя жизнь не менялась. Уходили одни дети, приходили другие. Только их привозили уже не на малиновых девятках и шестисотых, а совсем на других машинах. Словом, жизнь моя текла размеренно и гладко, я была спокойна и счастлива, до тех пор, пока я не встретила этого... болтливого. И блохастого.

Бред этого парня вдруг показался мне удивительно правдоподобным. Потому что никак он не мог знать про мои «места силы». Приступы головной боли я лечила только так, ведь

лекарства мне вообще не помогала. Я достаточно часто разъезжала по полям, лесам, храмам и всегда что-то пела. Чем ужасно бесила иногда сопровождавших меня мужчин. Я редко возвращалась на одно и то же место, оно теряла для меня свою привлекательность. Сила влекла меня... Интуитивно я находила свой источник, чаще всего – на некотором расстоянии от цивилизации. Разве что сад мой нравился мне всегда. Но можно считать, что он тоже далеко от людей.

Я жила одна в избе в сосновом бору. Много земли вокруг принадлежала Павлу, часть – Веронике. Выросшие в некой детской коммуне, мы как могли берегли друг друга. Я знала, что Вероника ненавидела и боялась птиц, и к её приезду прогоняла всех пернатых. Павел не любил воду. Даже в ванной. Поэтому он жил в центральной Европе, а не в Америке. При попытке переплыть океан он бы, наверное, сошел с ума. Я не люблю город. Не люблю толпы людей. Ужасно не люблю пластиковые вещи. Поэтому Павел спроектировал для меня экологичный дом – деревянный, небольшой, с солнечными батареями, кстати. Сам спроектировал и сам построил. Там и было-то всего две комнаты – кабинет и спальня, да кухня, да ванная. Ну и погреб, конечно. И машина тоже была особая – с деревянной отделкой. Старый-старый уазик. Это уже подарок Вероники. А вот Даша была нормальная. Она особо ничего не боялась. Она просто гений была, вундеркинд.

– Галла, ты тут? – прервал мои мысли парень. – Они ушли. Скоро рассвет. Им еще спрятаться надо.

– Да кто «они»? – выкрикнула я.

– Обратни.

– Вервольфы?

– Неее... – протянул парень. – Вервольфы – это высшие существа, а обратни – прислужники. Вервольфы никогда никому не служат, они сами по себе. А обратни подчиняются хозяину, у них нет самостоятельности.

– А если вервольф не сможет быть самостоятельным? – поинтересовалась я. – Или оборотень вдруг проявит волю?

– Вервольф вряд ли, – пожал плечами юноша. – А оборотню хозяин не позволит.

– Да здравствует насилие? – прищурилась я. – Короче, если вервольф спустился до оборотня, его прикроют, а если оборотень поднимется до вервольфа, его прикончат, так?

– Ну да, – поморщился мальчик. – Так и будет. И никто ничего не узнает.

– А кто хозяин этой стаи? – Трибунал, кто же еще? Они по всем реальностям эльфов ищут.

– Что-то мне подсказывает, что не для того, чтобы облагодетельствовать...

Парень хмыкнул неопределенно, потянулся, поймал и поправил на плечах мою шубку.

– Может, просветишь, чем и кому я насолила? – взглянула на него я.

– А что мне за это будет? Здравсте, приехали! А мне теперь что будет?

– Скажи мне, милый ребенок, а как же они меня все-таки нашли? – коварно поинтересовалась я. – Никогда не ловили и тут на тебе – заявились. Конечно, все на свете бывает в первый раз, но как тут оказался ты? Я смотрю, ты пытаешься себя представить моим спасителем, но я что-то сомневаюсь. Уж не за тобой ли они следили?

Парень заерзал и густо покраснел. Какой же он все-таки грязный!

– Так, я пошла домой, – поднялась я. – Шубу ладно, оставь себе. А я себе валенки. Как я понимаю, мне показана небольшая поездка за границу. Надо Вероничку предупредить, чтобы местность зачистили. А то ходят тут всякие, а потом серебряные ложечки пропадают.

– Ну-ну, – пробурчал вервольф. – Попробуй, смойся. Завешание не забудь написать только.

Я расстроено посмотрела на вервольфа. – А ну, оборотень, выкладывай все, что знаешь. Вервольф чихнул и покачал головой.

– Ты ж мне все равно не веришь.

Эх, молодо-зелено! Что мне теперь с ним делать? Оставить тут? Он вроде как меня спас, некрасиво. И вообще грязный он, худой, глаза голодные.

– Ох, горе ты мое! Есть хочешь?

Глава 3. Стая

Машинка моя стояла там, где я её бросила. С ключами зажигания. Никто не позарился. Ботинки тоже были на месте, что не могло не радовать. Скинув валенки на три размера больше, я с удовольствием сунула ноги в меховые ботильоны. Вот оно, счастье! Шубу мне тоже удалось отвоевать.

На остатках снега и грязи были следы... Здесь бегали какие-то крупные животные, похожие на собак. И запах стоял... Нет, запаха не было. Пахло мокрой землей, грязным снегом, свежим утром и немного бензином. Но был какой-то дух, чуждый этому миру, тяжелый, спертый и гнилой. Вокруг машины явно гонялись кругами, но внутрь не лезли, хотя двери были открыты. Я в какой-то момент порадовалась, что не одна. Ванюшка скривил нос, ему также не нравился этот дух. Вообще-то он был Иен из клана Чернохвостых. Но я быстренько перевела его имя на русский, окрестив Иваном.

Утро было солнечным и морозным. Грязь под ногами застыла причудливыми рытвинами. Небо звенело. Правда, звенело! Неужели вы никогда не слышали, как в поле морозным утром звенит воздух в вышине?словно натянутая струна, словно робкие ноты скрипки, словно перезвон колоколов... А нет, колокола – это в церкви в ближайшей деревеньке. Во всяком случае, воздух словно вибрировал, пробирая дрожью до костей, перехватывая горло, наполняя грудь бодростью. Небо еще розово-желтое с одного края, облака словно зефир, сладкие-пресладкие. А машинка такая тепленькая, урчащая словно кошка...

Медленно, медленно, переваливаясь сбоку набок как утка, мы ехали по полю, хрустко, радостно ломая утренний лед, проваливаясь колесами в ямы. Вообще-то здесь была дорога, но в России зачастую это одно название. Путь домой занял почти два часа.

Наконец мы въехали на грунтовую дорогу, под сень вековых сосен.

Как же я люблю свой дом! Он похож на сказочный теремок. Окна украшены деревянной вязью, крыльцо на двух столбах, и маленькая башенка-светелка, где у меня мастерская. Я художником не стала, но и живопись до конца не забросила. Иногда находил на меня стих, и я брала кисть в руки и рисовала, рисовала...

Сегодня дом встретил меня настороженно, суетливо. Около дома враскорячку стояла большая черная машина. Я была уверена, что это самец, и что моя машинка втайне была в него влюблена, поэтому она бодро взревела и бросилась к дому.

Я выскочила из машины. Странно. Джип есть, а Паши нет. Дом хоть и встревожен, но пуст. Наверное, прогуляться ушел. Что же у него случилось?

Я прошла в дом и первым делом отправила Ваню в ванную. Будут еще на моих раритетных венских стульях всякие бомжи сидеть! Ну ладно, не антиквариат. С помойки стулья, но я их отреставрировала. Так что извините, они только для чистых задниц.

И бритву ему вручила. Да, у меня в доме есть мужская бритва. Ко мне приезжают Паша и Антон. Хотя у них свое с собой. А кому какое дело до моей нравственности?! Я взрослая женщина! Даже слишком взрослая для последнего романа, хм...

Переоделась в домашний костюм, натянула полосатые вязаные носки до колен. Бабушка еще вязала. Мать моей приемной мамы. Она всем вязала. И два раза в год – на день рождения и новый год даже во Францию и в Америку приходила посылка с носками... К сожалению, уже три года, как не приходит. Я ни разу не видела эту чудесную женщину, но её носки я берегу. Тем более, что в последние годы они были такие чудные – разноцветные и иногда разной длины.

Так, Паша тут сидел всю ночь. И не один. Кухня как после войны. Пытался готовить, как видно. Шкурки от колбасы на полу, гора картофельных очисток на столе у раковины. Батюшки, где же он картошку брал? Уж не та ли, которую я пороссятам бабки Нины хотела отдать? В погреб, конечно, он не додумался залезть. Хотя... Представив, как Паша, в дорогом брючном

костюме, белоснежной рубашке и галстук спускается в погреб, я тихонько хрюкнула. Совсем как те достопамятные поросята бабки Нины.

Поморщившись, вынесла пепельницу, полную окурков. Ну, Паша! Знает ведь, что терпеть не могу, когда дома курят!

– Прости, маленький, – погладила я подоконник. – Знаю, что ты тоже не любишь, когда курят.

Залезла в холодильник, достала лоток с пельменями. Пельмени мы с Вероникой зимой лепили. Перестарались. Я их уже второй месяц доесть не могу. Две женщины в четыре руки за приятной беседой иногда могут увлечься.

Когда Иен вышел из ванны – чистый, выбритый, даже подстриженный (пусть неровно, но все же), в одних джинсах с ромашкой на попе (мои с веревки снял, засранец!), я ахнула. Потому что он и вправду был не человек. Теперь, без слоя грязи и повышенной лохматости, были заметны и странная форма черепа, и чуточку выступающие клыки, и мохнатые уши. Он был не худой, он был поджарый. Грудь широкая, сильно волосатая, буквально шерстяная, талия неправдоподобно тонкая, плечи, хоть и костлявые, шире, чем у спортсмена. Заметив мою реакцию, он повернулся спиной, продемонстрировав полоску шерсти вдоль позвоночника – продолжение гривы. Ступни были тоже лохматые, широкие.

– У меня еще и хвост есть, – довольно сказал Иен. – Показать?

– Не надо, – нервно икнула я. – Как-нибудь переживу.

Я подошла к холодильнику, достала бутылку водки – универсальную валюту в здешних местах – налила себе стопку и залпом выпила. Подумала и бутылку убирать не стала.

Поставив перед Ваней миску пельменей со сметаной, я села напротив, стараясь не смотреть на его удлинившиеся клыки и загоревшийся взгляд. Ел он жадно, но аккуратно, что меня порадовало. Воспитанный вервольф, однако!

А потом Иен поднял глаза и неожиданно побагровел, закашлялся, захрипел. Я вскочила и принялась колотить ему по спине. Воображение уже рисовало мрачную картину с трупом неопознанного человекоподобного существа на столе, живописно распростертого среди пельменей на столе, доблестную милицию, обыскивающую дом, и меня, с дрожащими губами что-то доказывающую. Ну уж нет! Закопаю во садочке!

Однако Иен, увернувшись от моего очередного удара, перехватил мой кулак.

– Хватит, женщина, – взмолился он. – У меня вся спина в синяках будет!

– Увлелась, извини, – буркнула я.

– Это кто? – напряженно спросил вервольф, уставившись на портрет на стене.

– Ах это! – тут уж покраснела я.

Ну как ему объяснить, кто это? Это идеальный мужчина, плод моего неумного воображения. Я его еще в юности нарисовала. Высокий, крупный, в джинсах и клетчатой рубахе, он был изображен на коленях в сосновом лесу (в моем лесу). Лицо его было устремлено в закатное небо. Длинные светлые волосы, серые глаза, крупный нос, слегка заросший подбородок, пальцы, словно сведенные судорогой, ухватились за ворот рубахи, вот-вот рванут, рот искажен. И вообще, он через минуту с ревом раненого животного упадет на землю, зароется лицом в желтые сухие иглы и содрогнется всем телом то ли в отчаянии, то ли в скорби. Но сейчас он с молитвой смотрит ввысь. Я любила этого мужчину. Любила до дрожи, до самозабвения. Чтобы быть с ним рядом, я отдала бы все. Много раз я разговаривала с ним во сне, летала с ним, что уж там – занималась любовью. Единственный.

Мои близкие знали об этой моей безумной фантазии, но не воспринимали ее как бред. И Паша, и Антон сходились во мнении, что этот человек где-то есть, даже пытались разыскать его по фотографии. Мы все были такие странные, что вполне доверяли своему подсознанию.

Иен продолжал возмущенно смотреть на меня. Я смотрела на него.

– Ну что? Рисунок это. Просто рисунок.

– Ты не могла там быть, – уверенно сказал Иен. – Это было почти семьдесят лет назад.

Я почувствовала, как кровь отлила от лица. Руки безжизненно упали на стол, сердце, кажется, пропустило несколько ударов. Задышавшись, не в силах пошевелиться, одними губами я прошептала:

– Что было семьдесят лет назад?

– Ничего, – быстро сказал вервольф, увидев, что мне нехорошо. – Я ошибся. Просто мне показалось, что этот портрет похож на одного человека... Ну не совсем человека... И вообще, не больно-то и похож, так, в общих чертах... Тот-то брюнет.

Я выругалась – от души, витиевато и деэпричастно. Культурных слов у меня не было. Рука снова потянулась к бутылке водки, но даже дотронуться я не успела. Дверь в кухню распахнулась, и ворвались Паша и Антон.

– Галка! Живая! – выдохнул Пашка.

– Убью! – прошипел Антон.

Я с недоумением взглянула на них и поставила на стол еще две тарелки.

– И стопки, – прохрипел Павел. – А лучше стаканы.

– И коньяк, – добавил Антон.

– А мартини тебе не надо? – насмешливо ответила я. – Вы чего такие взъерошенные?

– Дашу убили, – брякнул Павел.

– Как убили? – ахнула я.

– Из пистолета, идиотка. Как нынче убивают? Говорят, что любовник, даже нашли его. Но мы же знаем... На Веронику три покушения за последнюю неделю. Стасика тоже убили.

– Стасика-то за что? – простонала я. – Он же совсем безобидный!

Стасик был из тех, кого мягко называют «душевнобольным». Он жил в своем собственном мире, навсегда остался 2-3-х летним ребенком. Играл себе в пирамидки и кубики, изредка рисовал ладошками, окуная их в краску. Такие художества кому-то нравились, их покупали, и Стасик, можно сказать, сам себя обеспечивал. Жил он в специальном заведении, где за ним присматривали, хорошо ухаживали. И вот теперь этого доверчивого ребенка, который всем норовил залезть на колени, не стало.

На душе было мерзко, больно.

А Дашу? Дашу за что? Она, конечно, была не сахар – зануда жуткая, и вообще вся из себя королева, но это не повод её убивать. Любовник, как же! Да она к своему телу мужиков не подпускала! На людях, может, и показывалась, но... Весталка! Это же у неё идефикс была. Я, кажется, говорила, что она нормальная? Забыла про её посвящение высокой науке.

– А остальные? – тихо спросила я.

– Не знаю пока. Я сразу к тебе рванул, как узнал.

– С Никой все в порядке?

– Не считая легкой истерики, да, – грустно улыбнулся Паша. – Ты же знаешь Серёгу. Он ее и детей сразу в убежище.

О да, я знаю Сережу! Иногда он становится параноиком. Особенно, если угрожали его родственникам. А уж если детям... Собственно говоря, потому он и остался живым в лихие 90-е.

Павел смотрел на меня тяжелым взглядом.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил он.

– Алехандро?

– Алехандро...

Антон оторвался от тарелки и с любопытством уставился на нас.

Алехандро – еще один из нашей группы. Он (она, оно) был известной моделью. То ли мальчик, то ли девочка – он и сам не мог определиться. Красивый как архангел, с золотистыми волосами по плечи, вечно молодой и очень-очень порочный. В гламурной тусовке двух столиц

он занимал не последнее место. Благодаря ему наши родители в свое время подверглись публичной порке со стороны СМИ.

Два года назад он умер от передозировки наркотиков. Все вздохнули с облегчением. Но теперь его смерть не казалась естественной. Алехандро (в детстве просто Саша) вообще-то следил за своей внешностью, считая её самым крупным козырем, не курил, не пил, фанатично следовал всем указаниям врачей... Кстати, Алехандро обладал просто волшебным голосом. Наркотики? Хм...

– Остались Митя и Маша, – тихо сказала я.

Дмитрий и Маша... Митя – маньяк. Он в тюрьме. Маша (Мари) – в психушке, она слишком много раз пыталась умереть.

– Бог с ним, с Митей, – буркнул Паша. – И помрет, не жалко. А Мари в клинику я звонил, велел удвоить охрану.

– Бесполезно, – подал голос Иен. – Им любая охрана нипочем.

Паша и Антон синхронно развернули головы. Взмолвленные, они даже не заметили вервольфа.

– Это еще кто? – удивленно спросил Паша.

– Круто! – восхитился Антон. – Где пластику делал?

– Это Ваня, вервольф, – представила я своего гостя. – Кстати, меня ночью тоже чуть не съели. Ваня спас.

– Чуть не съели? – поперхнулся Паша.

– Фигня вопрос, – кивнул Антон. – У нас уже давно слухи про волков ходят. Как изящно!

– Ты откуда такой странный? – уставился на Иена Павел.

– А ты кто такой, чтобы мне вопросы задавать? – спокойно откинулся на спинку стула вервольф.

Павел покраснел от гнева, но сдержался.

– Я ее брат, – кивнул он в мою сторону.

– Галлы? – уточнил Иен. – Но ведь ты не эльф.

– Я ее приемный брат, – прорычал Павел, мудро проигнорировав упоминание эльфов.

– А второй? – посмотрел на Антона вервольф.

– Я её друг, – пожал плечами Антон. – Я ей жизнью обязан.

– То есть ты знаешь, что если будешь рядом с ней, то будешь в опасности, но все равно остаешься? – спросил Иен.

– Без базара, – ответил Антон. – Мне терять нечего.

– Ладно, – кивнул вервольф. – Тогда хорошо. Павел, вы с Галлой из одной стаи?

– Точнее и не скажешь, – усмехнулся Павел.

– Много вас еще осталось?

– Осталось пятеро. Изначально было одиннадцать. Трое умерли в детстве – были неизлечимо больны.

– Ну это еще доказать надо, – буркнул не понаслышке знакомый с хирургией Антон.

– И все из них странные? – нахмурился Иен. – Тогда ясно, почему им проще уничтожить всех.

Глава 4. Дорога дальняя, дом казенный

– Да кому «им»? – взорвался Павел. – Кто ты, откуда?

– Я вервольф, из Лихолесья, – наконец, ответил Иен. – Во-первых, мы, вервольфы, не принадлежим ни к темным, ни к светлым. Поэтому сейчас нас тянут в разные стороны. Пока мы держим нейтралитет, обе стороны соблюдают хоть какие-то правила. Ну, конечно, не мы одни их сдерживаем. Есть еще гномы, они тоже в напряжении. Шаг вправо, шаг влево – и вся эта орда может вступить в бой. Но в пустоши они не суются пока.

Я не буду повторять, что сказал в тот момент Паша. Достаточно того, что покраснели все присутствующие. Из нормальных слов я услышала только предлоги.

– Ты! – сказал он, чуть успокоившись. – Я вообще ничего не понял. Темные, светлые, что за бред? Я тебе задал простой вопрос – кто и зачем пытается нас убить, а ты мне плетешь всякую чушь!

– Я понял, понял! – приподнял ладони Иен. – Все это слишком сложно. Единственное, что я могу сказать – вам бы лучше убраться подальше. Всем. Иначе рано или поздно вас найдут.

– КТО? – прорычал Павел, перегнувшись через стол и схватив Иена за горло.

– Я полагаю, что темные. Или светлые, – негромко сказал Антон. – Честное слово, Павел, ты такой тупой.

Я внимательно посмотрела на Антона, ожидая увидеть на его лице насмешку, но он был предельно серьезен.

– Слава Богу, хоть один нормальный человек, – не без труда отцепив пальцы Паши от своей шеи, прохрипел вервольф. – И почему вы, люди, столь уверены в своей уникальности?

– Простите, а какому Богу вы возносите славу? – поинтересовался Антон с каменным лицом.

– Единственному, – огрызнулся Иен. – Вы, люди, зовете его Яхве, Иегова, Аллах, мы же зовем его Великий Бог. Хотя кое-кто также зовет его Яхве, Элохим, Адонай... Это не важно. Есть Бог, есть дьявол. Мы служим свету, тьма служит тьме.

– Служите свету? – поднял брови Антон. – Только что я слышал, что вы, вервольфы, держите нейтралитет, правильно?

– Ууу! – взвыл Иен. – Неправильно. Есть существа, рожденные светом – это эльфы, сильфиды, ангелы в конце концов. Есть рожденные тьмой – демоны, вампиры, курлыки, гоблины, орки. А есть те, в ком и свет, и тьма – вервольфы, люди, гарры, гномы, ну и прочие. Люди в конце концов примкнули к светлым. Гарры – это морские жители, типа ваших русалок, тоже. Но на гарров как раз всем по барабану. Война-то идет на суше. Люди слабы. Их мало. Понимаете, рас очень много, очень. И всем приходится делать выбор. Раньше все жили в относительном мире. А потом что-то не поделили, и поехало. Темные режут светлых, светлые режут темных. Но если светлый режет темного, в нем все меньше света, и все больше тьмы. Таким образом, светлые в любом случае в проигрыше. Поэтому идет переманивание тех, кто может быть в равновесии. У вервольфов строгая дисциплина. Мы не вмешиваемся...

– А сейчас ты чем занимаешься? – приподняла брови я.

– Я? А мне пофиг – я изгнанный, – хмуро усмехнулся Иен. – У меня один путь – в Цитадель.

– За что? – коротко спросил Паша.

– За любовь, – фыркнул Иен. – Я не захотел жениться. У нас с этим очень строго. Папа сказал – женись, значит, женись. А я взбрыкнул. И не жалею. Лучше смерть, чем так жить – по закону предков. Мне не нравится, что за меня все решают – что есть, когда спать... С кем спать тоже.

Мы с Антоном переглянулись и усмехнулись. Долго же мы с ним по этому поводу спорили когда-то!

– Мне предложили выбор – или к дальним родственникам на перевоспитание, или брак, или хвост оторвут, – продолжал, хихикнув, Иен. – А я, дурак, в портал прыгнул. Да еще рэн-домная настройка. Хорошо, что летом попал, а то бы точно сдох. Тут у вас шутить не любят. Хорошо, что мне матушка медальку в Цитадель дала... Я, как у вас тут зону с колючей проволокой увидел, чуть сразу не прыгнул. А потом ничего, пообвыкся. Все думал, чего бы мне с собой забрать, чтоб меня из Цитадели хвостом вперед не выкинули. Я ведь не боец, не воин. Так, сосунок. Из дома меня никто не гнал, если подумать, сам сбежал. Так что ждала бы меня трепка и позорное возвращение домой.

– И ты решил забрать меня? – улыбнулась я.

– Нет, я решил тут оружие изучать, – признался Иен. – А потом увидел оборотней Трибунала.

– Кого? – хором воскликнули Паша и Антон.

– Трибунал – это высший суд, суд мудрых, – пояснил вервольф. – Там только жрецы. Или духовенство. Им на разборки наплевать. Должно быть наплевать, во всяком случае. К ним обращаются в спорных случаях. Они же должны по идее разыскивать беглецов, которые скрываются от правосудия, а еще рекомендовать на ключевые должности талантливых людей и снимать всяких взяточников.

– А на деле они погрязли в распутстве, мздоимстве и интригах, да? – поинтересовался Паша. – Блин, знакомая картинка, однако!

– Насчет распутства – это вряд ли, – пожал плечами вервольф. – Там с этим строго. Они все такие ревностные слуги Божьи... Только каждый понимает Его по-разному.

– Целибат? – удивилась я. – Цели... что? А! Нет! Так-то нет. Они сами для себя решают, с кем им жить. Разумеется, с существом своей расы, примерного поведения и противоположного пола. Причем в законном браке. Но они все такие старые...

– Ясно, – усмехнулся Павел. – Партбюро. А Галку зачем искали?

– Я похож на провидца? – удивленно спросил Иен. – Откуда я знаю? Может, они просто взглянуть на неё хотели. А может, им кто на неё наступал.

– А может, они вообще её не искали, – мрачно ответила я. – А искали, допустим, юного вервольфа. А нашли Галку. Случайно.

– Нет, – вздохнул вервольф. – Меня не искали. У меня медалька Цитадели. Так что я неприкосновенный. Максимум, могли проверить мои документы. Как менты.

– Документы? – фыркнула я. – Уши, лапы и хвост что ли?

– Типа того, – кивнул он. – Так что ищут тебя две группировки – одни методично вырезают вашу стаю, они хитрые, обставляют все так, что шито-крыто. Им ты явно живая не нужна. А другие – Трибунал – ищут в открытую.

– Тогда почему я должна бегать от Трибунала?

– Потому что неизвестно, кто тебя им заказал, – пояснил Паша. – Может быть, они тебя первым отдадут.

Я внимательно смотрела на мужчин. Такие разные, но с одним выражением тревоги на лице. Паша коренастый, широкий в плечах, с заметным брюшком. Я все «Паша-Паша», а на самом деле он Павел Семенович – солидный человек, некогда безумно талантливый архитектор, а нынче – владелец огромной строительной корпорации во Франции. Ему чуть за пятьдесят – расцвет для мужчины. Павел почти седой – слишком много дерьма хлебнул в жизни. На вид он как скала – грубоватый, надежный, спокойный, но это не так.

Паша отличается безумным темпераментом. Он взрывается как вулкан. У него было две жены, но обе сбежали от него в ужасе после первого же скандала. Одна, правда, успела до этого забеременеть. Но с сыном Паша не видится – суд запретил. Учитывая его характер.

Антону едва за тридцать. Это молодой человек с кистями пианиста. Очень ухоженный, женственный на вид. Так и хочется измазать его румяную физиономию грязью, когда он начинает строить глазки. Светлые волосы ежиком, голубые глазки, девичьи ресницы. На спине, кстати, татуировка крыльев. Память о прошлом, так сказать. Я его когда-то познакомила с Павлом, и теперь они близки как отец с сыном.

– Значит, так, – сказал Паша наконец. – Берем водку, берем пельмени, и дуем к Сереже. Этот мужик умнее нас всех, вместе взятых. Надо с ним посоветоваться.

– Водка у Сережи есть, да и пельменей у Ники было столько же, – возразила я.

Документы и вещи только возьму. Вдруг не вернемся?

– Прощай, терем-теремок, не низок, не высок, – поклонилась я в пояс дому. – Жили мы в мире, да пришел час расставания. Не поминай лихом.

– Галк, ты чего? – растеряно посмотрел на меня Паша.

– А мы, Пашенька, сюда не вернемся, – хмуро ответила я. – Ждет нас дорога дальняя, дом казенный...

Тьфу! Загрузившись в Пашин джип (машинка моя, машинка! Как жалко!), мы отправились к Веронике.

Вероника и Сергей, а точнее, Сергей и Вероника, жили в подмосковном коттеджном поселке. Дома, больше похожие на сказочные замки, высокие заборы – в зависимости от хозяев глухие или красивые кованые, сады, достойные попасть на обложку глянцевого журнала, и глухая тишина. Иен с удивлением глазел на все это великолепие из окна машины. На въезде у джипа списали номерные знаки, проверили по списку, открыли багажник (ничего не сказав про кастрюлю пельменей) и пропустили. По лицам охранников было видно, как они жаждали проверить наши документы, да еще облазить машину с металлоискателем, но номера джипа были в списке допускаемых без подобного осмотра. Так что Иену крупно повезло.

Глава 5. Раз-два-три, елочка гори

Дом Сергея стоял в глубине обнесенного глухим забором запущенного сада. Летом я обычно приводила его в порядок, за что получала более чем щедрую плату. Были во дворе бассейн, качели, горка, детская деревянная крепость с лабиринтом, сейчас сиротливо пустующая. Вообще у Сергея тут всегда вертелись детишки – и свои, и прислуги.

– Нехилый такой домик, – завистливо пробормотал Иен, вылезая из машины.

Охранник у ворот весело приветствовал нас, кивнул и Иену. Мы трое были здесь частыми гостями и могли привезти хоть слона. Дом у Сергея геометрически правильный, прямо-таки идеальный (да-да, автор снова Павел), трехэтажный. Весь первый этаж отдан прислуге, ну еще кухня там, прачечная и прочие хозяйственные помещения. Второй этаж – Сергея и Вероники, там принимают гостей, устраивают вечеринки. Третий почти весь детский. Там и спальни, и спортзал, и обсерватория, и, конечно, мастерские. Оба ребенка Ники безумно талантливы. Это и неудивительно, при таких-то родителях.

Геля рисует, катается на коньках, пишет стихи, занимается художественной гимнастикой, Сева у нас математик, победитель всевозможных конкурсов и олимпиад. Он тоже прекрасно рисует, но считает это ниже своего достоинства.

У входа нас встречает сам Сергей.

Да, они с Вероникой странная пара. Серега очень некрасив. Он, конечно, высокий, накачанный и все такое, но на лицо его без дрожи не взглянешь. В детстве его облил бензином и поджег родной папаша, и он весь в шрамах и рывтинах. Антон давно уже уговаривает его лечь под нож, но у Сергея все нет времени. Вероника же – богиня, ангел! Высокая, стройная, с пшеничными выющимися волосами, огромными голубыми глазами на идеальном лице. Антон, когда её увидел, неделю твердил, что нашел идеал и предел совершенства. Кроме этого, Никуся добрая, отзывчивая, умная, щедрая, приветливая... Хотя я до сих пор не понимаю, как это они с Сергеем вообще нашли общий язык. Серега с женщинами, понятно, недоверчив, а Ника – холодная как лед. Поэтому когда Ника закрутила с бандитом, более того, забеременела от него, все были в шоке. Наверное, если б не этот факт, Сергей и не женился бы на ней. Ну а потом он уже понял, что она не такая, как все – не жадная, не расчетливая, не вульгарная... Она была на удивление хорошей женой – не ругалась, не пилила его, готовила, стирала, прибиралась. Это он уже потом, когда Сева родился, построил ей дом, а сначала он её поселил в коммуналке, в комнате шестнадцать квадратов... Проверял. Ника устроила ему скандал единственный раз, когда ей показалось, что от него пахнет другой женщиной. Кажется, тогда он и поверил, что она его любит безумно.

Я Нику понимала. Сергей, конечно, далеко не красавец, но умный, добрый и честный. Вообще-то он и бандитом был нетипичным, этакий Робин Гуд рязанского производства. Во всяком случае, со своими. Но спать с таким – бррр. Кстати, Ника до сих пор поднимается по утрам и кормит его завтраком. Обед, ужин – это ладно, но завтрак готовит только сама. Детям, кстати, готовит прислуга. Если выбирать в интересах Сергея или детей, она выбирает мужа.

К сожалению, Сергей не позволил нам прогуляться по дому, сразу спустившись в бункер.

В подвале была оборудована небольшая квартирка – две комнаты, кухня, туалет и все, как полагается. Проникнуть туда можно было через кодовую дверь. Я знала код, Павел знал код, Ника знала. У каждого свой. Плюс отпечатки пальцев. Плюс видеокамера. Понятно, залежи продуктов и запасной выход, который уже знали только Сергей и Ника. Короче, даже атомную войну пересидеть можно, не только миллениум. Я уверена, у Сереги там даже рождественская елка есть. На всякий случай.

– Ты понимаешь, Галка – они Левчику заказали! А Левчик – это профессионал. Против него даже бункера недолго хватит, – взволнованно объяснял Сергей. – Левчик – гений убийств.

Надо будет – все взорвет. Бомбу водородную сбросит, но задание выполнит. От него нигде не спрятаться.

– А ты откуда узнал? – пропыхтела я, спускаясь по винтовой лестнице.

– Да Левчик сам мне и сказал, – буркнул Сергей. – Дал неделю срока. Прячь, говорит, своих, где хочешь. Я из страны уеду даже, чтобы не знать. Я, говорит, ради Вероники тебе шанс дам. Операцию пластическую делай, паспорт меняй, из России беги... Такие люди заказали, что отказаться нельзя. И ладно б меня одного, говорит, наняли. Я бы что-нибудь придумал, кого-нибудь похожего предъявил. Но ведь наняли целую свору. Соцсоревнование, так сказать.

– Галочка! – бросилась мне на шею Вероника. – Забери меня отсюда!

Дети с воплями бросились на Павла.

Ника в слезах рассказывала мне про тирана-мужа и про то, как её едва не сшибла машина, как стрелял снайпер...

– Ну что я такого сделал, кому дорогу перешел? – в отчаянии спрашивал Сергей. – Ну убили бы меня, но Нику-то за что? Она же святая! А детей за что?

– Боюсь тебя расстроить, Сереж, но ты никого не интересуешь, – вздохнула я. – Ищут, кажется, меня.

Мы сели за круглый стол с типичной советской скатертью, и Ника разлила нам чай со слоном из советских запасов. Война войной, а чай по расписанию. Иен еще раз рассказал про темных и светлых и все же продемонстрировал свой хвост к восторгу детей.

– То есть ты считаешь, что охотятся только за Галкой, в смысле Галлой? Я бы, например, предположил, что вся «стая» может быть опасна. Алехандро, например, мог быть не человеком. Уж очень он был странным.

– Однако! – сказал Иен и замолчал.

– Именно, – усмехнулся Сергей. – Павел с его одержимостью, гениальная Даша, Мариэлла не от мира сего, демон Дмитрий... Ну ладно, Стас, допустим, олигофрен, а вдруг нет? А вдруг у него просто что-то замкнуло в этом мире? А Ника – вообще ангел.

– Нас всех убьют? – пискнула робко Геля.

– Их тоже? – спросил Сергей и продолжил задумчиво. – Я бы убил всех. Во избежание...

На столе внезапно задребезжал телефон. Все вздрогнули. Сергей взял трубку, молча выслушал что-то и бросил.

– Галя, твоего дома больше нет, – тихо сказал он. – Взрыв газового баллона.

Я уронила голову на руки. Мой дом! Моя библиотека! О Боже, мои картины!

– Какой еще газ! – рыкнул Павел, откинувшись на стул и глядя в потолок. – Там солнечные батареи!

Я только фыркнула в ответ.

– Что есть Цитадель? – спросила Ника. Она всегда выражалась несколько странно.

– Цитадель – это приграничная крепость в Пустошах, – пояснил Ваня. – Вообще-то Пустошь принадлежит темным, но Цитадель – это святое место. То есть она в Пустоши, но вообще-то уже территория Долины. Пустошь еще несколько километров длится, но до Цитадели травы нет, а после – уже растет. Цитадель была построена светлыми, но они постепенно ушли. Там сейчас самая сильная армия светлых сил. В Цитадели принимают всех – беглецов, дезертиров, изгнанников, помогают пленным, гонимым, несправедливо обиженным. Там есть женщины и дети. Цитадель – единственное место, где ни Светлые, ни Темные не командуют. Там командует единственный Князь Времени. Последний из великого народа странников во времени. Вырезать их, кстати, начали еще люди... Но закончили демоны.

– А если Цитадель не захочет подчиняться светлым? – поинтересовался Сергей. – Что тогда?

– А тогда светлым придется это проглотить, – пожал плечами Иен. – Потому что покорить Цитадель можно, но только если и светлые, и темные объединятся.

– То есть если Цитадель восстанет, то есть шанс на мир во всем мире?
– Ага, щас, – фыркнул Паша. – Они уничтожат Цитадель и снова раздерутся.
– А если они раздерутся, то Светлым хана, – сообщил Антон.
– Попросту говоря, все станут темными...
– Кроме людей...
– И гарров...
– Да кому они нужны, эти гарры!
– И настанет тьма и скрежет зубов...
– И начнется эра невиданного разврата и жестокости...
– И рано или поздно им придется установить какие-то законы, иначе все они переубивают друг друга.
– И настанет равновесие. И вернутся ангелы и сильфиды, и эльфы.
– А потом снова начнется революция.
– И они построят союз нерушимый республик свободных...
Мужчины переглянулись и загоготали. Иен в ужасе смотрел на них, явно считая, что все сошли с ума.
– Дяди шутят, – успокоила я его. – Дяди хотят жить и уже разрабатывают планы завоевания твоего мира.
– Слышь, пацан, – вздохнул Сергей. – Нам надо в Цитадель. Галка правильно сказала, хочешь жить – умей вертеться. Между неведомой Цитаделью и Левчиком выбор несложный.
– И ты? – спросила я. – А ты предлагаешь мне бросить Нику и детей?
Сергей кому-то позвонил, и на следующий день к нам привезли Мариэллу, напичканную успокоительными. Её было опасно брать с собой – она была непредсказуема, но оставлять её на смерть мы не решились. Все в сборе, получается. Вся оставшаяся стая. Итак, мы готовы. Особенно я. Мне вдруг начинает казаться, что всё совершенно логично. Эльф я или не эльф – какая разница? Важно то, что в этом мире я никогда не чувствовала себя своей.
Нас восемь человек. Невысокий седой Павел. Красавчик Антон. Вервольф Иван. Я – невысокая, светловолосая, совершенно обычная. Ника – совершенство. Мариэлла – маленькая татарка с черными волосами и раскосыми глазами. Ангелина – большеглазая светловолосая девочка тринадцати лет на пороге юности. Всеволод – мальчик одиннадцати лет, маленький и худенький. Мы стоим, взявшись за руки, как дети. У Иена в руках медаль с изображением башни. Павел и Антон держат его за локти.
Раз, два, три – елочка, гори!

Глава 6. Прибытие

– Так-так-так! И что мы тут имеем? Щенок вервольфов, разыскиваемый по всем мирам. Это хорошо. За его возвращения предлагается хорошее вознаграждение! Жаль, что только за живого... Пресветлый эльф без родовых знаков, зато с купированными ушами... Годится. Два воина в летах. Неплохо. Детишки. Уже гораздо хуже. Розовощекий юноша с нежными руками...

– Я пластический хирург, между прочим! – гневно покраснел Антон. – Дипломированный!

– Бла-бла-бла! Кому нужны хирурги, когда есть целители?

Мы стояли в ряд, вытянувшись как на параде. Перед нами прохаживался длинный мужчина в черном костюме и высоких сапогах. В руках у него был хлыстик, которым он легонько постукивал по голенищам. Мужчина раздражал меня безмерно. У него были рыжие лохматые усы и рыжие лохматые уши. Волосы были желтовато-седые, остриженные ежиком, глаза разного цвета – один черный, другой голубой. Он был худой, если не сказать, изможденный. Про себя я окрестила его Азазелло. Интересно, Воланд и Бегемот будут?

– Ох, во имя Всемогущего! Почему сюда не приходят нормальные люди? Ну ладно, ты, эльф! Что умеешь?

Я пожала плечами.

– Детей воспитывать?

Азазелло зло сплюнул.

– Самое нужное дело в Цитадели! Дальше! Ты!

– Архитектор. Строитель, – угрюмо ответил Павел.

– Проектировать умеешь? – обрадовался Азазелло. – А командовать рабочими? А башню восстановить?

– Запросто.

– Вот! Вот! – заулыбался Азазелло, отчего его клыки сверкнули на солнце. – Хвала Всевышнему! Следующий!

– Врач.

– Сойдет. В подмастерье к целителю.

Антон злобно зыркнул на рыжеухого. Он, лучший пластик в Московской области, а, возможно, и в России, – в подмастерья! Что ж, его никто не преследовал, он сам согласился отправиться с нами.

– Ты? – Азазелло ткнул хлыстом в Сергея.

– Вы, – спокойно поправил его Сергей. – Специалист по огнестрельному оружию. Мастер спорта по легкой атлетике. Майор запаса. Инженер гидросооружений. Бизнесмен, купец по вашему.

У рыжеухого вытянулось лицо. Он склонил голову, с любопытством разглядывая Сергея.

– Самый умный? – поинтересовался он.

– Может быть и так, – согласился Сергей.

– Дети твои? И женщина твоя? – кивнул Азазелло. – Нормально. У нас тут с водопроводом проблемы...

Сергей пожал плечами.

– Ты живучий, – неожиданно сказал рыжеухий, прищутив голубой глаз. – Сколько раз тебя убивали?

– Больше, чем мне бы хотелось.

– Как зовут?

– Сергей.

– Сэр кто?

– Это не титул, это имя, – чуть покраснел Сережа.

– Глупое имя, – отрезал Азазелло. – У нас комендант с поносом слег. Будешь за него. Ты?

Он удивленно разглядывал Мариэллу, отрешенно уставившуюся в пространство и не подающую признаков разума.

– Она больна, – пояснила я.

– Это я вижу, – нахмурился Азазелло. – И зачем вы её притащили?

– Она наша сестра, – ответила я. – Из нашей стаи. Не могли же мы её бросить.

– Ей угрожала опасность?

– В нашем мире нас пытались убить.

– В каком вашем?

Я беспомощно оглянулась на Иена.

– Второй мир, Пустая Земля, – ответил он за меня.

– Интере-е-есно, – протянул Азазелло. – Я о пришельцах оттуда первый раз слышу. Там же не могут жить ни эльфы, ни вервольфы. Во всяком случае, долго жить. Это мир, потерявший Божью Искру.

Сергей набычился, явно готовый возразить, вступить в теологический спор, но тут я схватилась за горло, увидев приближающегося к нам человека...

До этой дурацкой Цитадели мы добирались полдня. Вервольф, конечно, предупреждал, что нас может выкинуть и вовсе поодиночке, где-то рядом с Цитаделью, но не в нескольких же километрах! Сергей, конечно, рассмотрел и эту вероятность – у каждого была ракетница. Меня забросило в какой-то колючий кустарник. Что ж, это не страшно. Тем более, ближайшая перспектива понятна.

Во-первых, выбираться из зарослей, при возможности сохранив целостность одежды. Во-вторых, надо искать детей. Все должны в первую очередь искать детей и Мариэллу. Впрочем, Мариэллу накрепко привязали к вервольфу, на всякий случай. Я задрала юбку до пояса. Под юбкой были джинсы и берцы, поэтому я не слишком поранилась, хотя шипы у этого кустарника были ого-го! Юбку я надела на тот случай, если кому-то не понравятся брюки на женщине. Не стоит злить людей, от которых зависит наша жизнь, правда?

А в этой юбке были еще чудные вместительные карманы, куда я напихала всяких ценных для женщины вещей: тюбик зубной пасты, влажные салфетки, перочинный нож, набор иголок и две катушки ниток, коробку восковых карандашей, зажигалку, несколько гелевых ручек и прочую дребедень. Одна радость, что у меня в жизни не было менструаций, а то тут пришлось бы возиться с тряпочками, как Нике, ха-ха.

Кстати! Я достала из кармана морковку, обтерла рукавом и с аппетитом принялась хрустеть. Почти сразу же я нашла Ангелину. Девочка сидела на большом камне и тщательно перерисовывала в блокнот какую-то букашку. Ну что ты будешь делать! Она притащила с собой школьный рюкзак с красками и альбомами! И плюшевого зайца.

– Севу не видела? – спросила я её.

– Неа, – равнодушно откликнулась она. – Бабочку видела. Красивую...

Где-то справа взлетела ракета, и мы потрусили туда. Там оказалась Вероника. В отличие от меня, неряхи-растеряхи, она была одета как всегда с иголочки. По-моему, даже халаты ей шили дизайнеры. Мягкая шерстяная кофточка небесно-голубого цвета, длинная белая замшевая жилетка, расшитая цветами, с меховой опушкой и юбка в пол, тоже богато украшенная вышивкой, на ногах – щегольские сапожки на небольшом каблучке. Ника не забыла даже шаль и перчатки!

Ха-ха три раза! Жара стояла невыносимая! Я-то сняла куртку и осталась в майке, а Ника могла снять только жилетку. Через несколько сот метров я сняла и юбку, и закатала до колен

джинсы, серьезно подумывая, что лучше – остаться в трусах или обрезать штанины. Вероника тяжело вздыхала. Только Геля довольно скакала вокруг нас – в легких шортиках, футболке и кожаных сандалиях на босу ногу. Через пару сотен метров Ника сняла жилетку. Потом она сняла юбку и кофту и надела жилетку. Потом она достала большой шелковый платок, закрепила его на груди, как банное полотенце и дальше пошла так.

Где-то вдалеке сверкнуло. Мы с Никой посоветовались и решили, что пойдем в сторону Цитадели. Благо, что обе обладали звериным чутьем. Ни Ника, ни я никогда нигде не блудились. А потом Ника достала рацию и стала нажимать какие-то кнопки! Она бы еще сотовый телефон достала!

Однако к моему глубокому возмущению рация сработала, и сквозь треск мы разобрали голос Сергея. Сева был с ним. Ника сообщила ему, что мы будем ждать их у крепости, после чего рация чихнула, пукнула и замолчала. Через несколько километров (мы шли довольно бодро) стало прохладней, появились зеленые островки. Дело близилось к вечеру.

Цитадель появилась на горизонте внезапно, когда мы взойшли на поросший сухой колючей травой пригорок. Сверху было видно, что это как бы небольшой городок, обнесенный внушительной каменной стеной. Внутри был замок в готическом стиле, с остроконечными шпилями, башенками и колокольней. Чем ближе мы подходили, тем выше оказывалась стена. У подножья стены (можно ли так выразиться о стене в три Никиных или четыре моих роста?) журчал ручей. Мы напились, умылись и пошли вдоль него.

Почти у самых деревянных ворот шириной несколько метров сидел Антон и с аппетитом уплетал что-то мясное. Он-то не пожалел джинсов, обрезав их выше колен. Выше пояса он был обнажен. Между прочим, у парня была прекрасная мускулатура, и вообще он был весь такой приятный, гладкий, молодой...

Он махнул нам рукой, что-то пробурчав с набитым ртом.

– Что это? – подозрительно спросила я, осматривая жареное мясо, предложенное им широким жестом.

– Не знаю, – пробурчал Антон. – Оно само прибежало.

– А это точно не домашнее животное? – осторожно спросила Ника.

– Может, и домашнее, – равнодушно согласился парень. – Значит, плохо присматривали. Это какая-то индюшка была. Мы и не такое в горах ели. Знаете, какие змеи вкусные?

Ника хмыкнула и оторвала себе кусочек. Я поглядела на них, вздохнула и пошла выпускать ракету. Потом мы посидели. Потом полежали. Потом вздремнули. Наконец, пришли и остальные...

—

Ника и Павел выразительно переглянулись и схватили меня за локти. Как будто я могла пошевелиться! Подходивший к нам мужчина был высок. У него были серые глаза, подбородок с ямочкой и белые волосы до плеч. Седые.

– Черноволосый, значит? – прошипела я вервольфу. – Умник!

Господи! Значит, Ты есть! Прости меня за сомнения! Сколько раз я молила тебя о встрече с этим человеком? Больше, чем следовало...

Глава 7. Чужое прошлое

– Новенькие? – спросил подошедший мужчина. – И все израненные... На редкость интересная компания. Голос у него был глубокий, чистый.

Певец – мгновенно определила я. Вот что он делал в лесу – пел! Я медленно повела плечами, сбрасывая удерживающие меня руки друзей, шагнула к нему. Заглянула в его глаза, протянула руку, погладила его по щеке, наслаждаясь покалыванием ладони.

– Я искала тебя, – тихо сказала я. – Так искала. Всю свою жизнь...

И, поскольку он молчал, приподнялась на цыпочки и коснулась его губ своими губами...

Конечно же, я не сдвинулась с места. Храбрости не хватило. Я молча уставилась на него в ступоре. Держали меня крепко. Но мысленно – о, мысленно! – я рванулась к нему, вцепилась в него и кричала, что никому не отдам!

Что отражал мой взгляд? Лучи любви? Смешно. Можно ли по взгляду понять? Он, однако, задержал свой взгляд на моем лице. Потому ли, что что-то почувствовал, или просто – решил, что я очередная сумасшедшая?

– Без глупостей, Галка. Не нервничай, – пробормотал Павел. – Ты не сошла с ума, мы тоже его видим.

– Что тут, Риан? – спросил мой мужчина. – Откуда они?

– Из пустого мира, Оскар, – ответил рыжеухий с таким красивым именем. – Кстати, этот в шрамах – новый комендант. Смотреть его будешь?

– Отчего бы и нет?

Он наклонил голову (о! Он выше Сергея!), заглянул Сергею в глаза.

– Ты мудрый человек, не так ли? – спросил он Никиного мужа. – Столько боли... И столько истины. Но истина не только в боли. Хочешь, я немного изменю твое прошлое?

– Разве это возможно? – спросил Сергей.

– Я – могу. Я из народа Странников во времени. Увы, последний. И мой долг – помогать тем, кого можно спасти. Риан! Уведи детей. Это зрелище не для них!

Рыжеухий кивнул, и взял за руку Севу и Гелю.

– Всех детей, – выразительно указал глазами на Антона Оскар.

Антон покраснел.

– Пойдемте, малыши, выберем вам комнаты, – пробурчал Азазелло.

Павел вопросительно поглядел на Оскара.

– Ты останься, – кивнул князь времени. – Потом девочкой займемся. У неё, я вижу, проблем куда больше.

Павел кивнул, почему-то побледнев и ссутулившись. Ника вскинула подбородок. Уж она-то никуда не уйдет. Я стиснула зубы.

– Эльф, я полагаю, все равно не послушается, – усмехнулся Оскар, поглядев на мое пустое лицо. – Они очень любят совать свои острые уши в любые щелки. Хотя уши у тебя и человеческие... Вообще-то ты тоже еще ребенок. Шла бы ты... с Рианом.

Я пожала плечами, уткнувшись взглядом в землю. Никуда я, конечно не пойду. Хотя и чувствую себя так глупо, так смущенно.

– Что вы можете сделать для моего мужа? – резко спросила Ника.

– Я могу убрать его шрамы, – ответил Оскар медленно. – Но...

– Но? – поднял голову Сергей.

– Но ты потеряешь часть себя. Я могу изменить что-то... Ты ведь понимаешь, что может цепочкой поменяться полжизни...

– Я не встречу Нику? – быстро спросил Сергей. – Она не полюбит меня?

– А ты считаешь, что твоя женщина полюбила тебя за шрамы? – насмешливо спросил Оскар.

– Нет, но...

– Ты полюбила его за шрамы?

– Какие шрамы? – удивленно спросила Ника. – Разве что в душе. Я не вижу его шрамов. Для меня он красивый.

Это правда. Ника не видела шрамов Сергея и всегда удивлялась, когда ей про них говорили. Впрочем, Ника была странная. Как и все мы. Меня она уверяла, что у меня татуировка на лбу – сине-зеленая вязь, светящаяся в темноте. Я всегда смеялась над этой фантазией. Когда я показывала ей фотографии Сережи – она плакала...

– Ух ты! – выдохнул князь времени. – А я подумал, что ты – человек! А в тебе есть наша кровь!

– Ваша – это чья? – опасливо спросила Ника, прижавшись к Сергею.

– Странствующих во времени! – Оскар явно был потрясен. – Так ты видишь его без шрамов?

– Не совсем, – тихо сказала Ника. – Щека изуродована. Левая. И половины уха нет.

– Кто-то из моих явно бывал в ваших краях, – хмыкнул Оскар. – Ты совсем человек, но сила есть.

Это потрясающе! Мне показалось, или в глазах его блеснули слезы? Я стиснула зубы. Мой!

– Тебе повезло, человек, – хмуро взглянул на Сергея Оскар. – Не будь она твоей...

– Считай её своей сестрой, – посоветовал Сергей спокойно. – Ника моя. Или иди к черту.

– Сам иди к черту, – любезно ответил Оскар. – А лучше к целителю. А то я могу не выдержать искушения.

Сергей насупился.

– Не грусти, брат, – с ухмылкой стукнул его по плечу князь времени. – Я могу приблизить смерть твоего отца. До того, как он... Ты согласишься? Но учти, это будет плюс две жены и два развода.

– Лучше к целителю, – кисло улыбнулся Сергей. – А шрамы он уберет? А то дети пугаются...

– Тебе же жена сказала – на щеке останется. А вот с ухом что, не понимаю.

Сергей вздохнул, крепко прижав к своему боку Нику.

– Успокойся, – прошептал мне на ухо Павел. – Сделай лицо попроще. Он шутит. Он не будет влюбляться в Нику. Он влюбится в тебя.

– Почему ты так думаешь? – с надеждой спросила я.

– Ну кто-то же должен! – заржал Паша.

– Ублюдок, – прокомментировала я.

– Вполне вероятно, – фыркнул он. – Я подозревал.

– Ты! – резко прервал его веселье Оскар. – Может, объяснишь мне, почему?..

Он обнял за плечи Мариэллу, маленькую и хрупкую по сравнению с ним. Она была как птичка, как воробышек... Я даже не ревновала, потому что Мариэлла была в моих глазах не совсем человек.

Павел густо покраснел, потом побледнел.

– Я боялся, – признался он.

– А она не боялась? – гневно спросил Оскар. – Она не боялась?

– А можно узнать, в чем дело? – спросил Сергей, вертя головой.

– Вас не касается, – буркнул Паша.

– Нас касается! – хором сказали мы с Никой.

– Её в детстве насиловал один из ваших, – тихо сказал Оскар. – Павел знал, видел. И молчал.

– Митя, – еле слышно сказала Ника.

– Митя, – эхом откликнулась я, вспоминая о липком страхе, охватывавшем меня рядом с ним.

Он был словно паук, плетущий сети, словно мокрица... Мне иногда чудилось, что он крадется по коридору, ища меня, и я вылезала в окно, прячась в шалаше в саду. Мы знали...

– Паша, – взяла я брата за руку. – Но ты ведь был старший!

– Не нуди! – отбросил мою руку Павел. – Я знаю! Я боялся... боялся, что меня вернут обратно, что мне не поверят! Это вы с Никой из нормального, образцово-показательного детдома, а у нас был ад. Провинившихся отдавали в психушку и лечили электрошоком. Меня запирали без света и воды в подвал с крысами на три дня. А потом было поздно. Меня бы спросили, почему я молчал. Я хотел убить его, задушить ночью, но духа не хватило... Только и смог, чтобы её в больницу поместили.

Мы вспомнили, как Паша уверял нашу воспитательницу, что Мари плохо спит, что у неё кошмары, что она кричит по ночам. Мари тогда переселили в комнату к няне, но было уже поздно. Она и в самом деле кричала по ночам, а потом выпрыгнула из окна, не убившись только чудом – упала в куст черемухи. Мари глотала таблетки, резала вены, её вытаскивали из петли...

А что бы сделала я? Смогла бы я вступить за Мари, что-то рассказать матери-воспитательнице, никогда особо не интересовавшейся нашими сплетнями, нашими отношениями? Я не помню ласки... Только мы, дети – я, Павел, Ника – одаривали друг друга поцелуями и объятьями. Мать и отец иногда сажали нас на колени и спрашивали, почему я разбила чашку, почему рисовала черной краской, почему запустила в соседскую собаку куском грязи... Почему я отказываюсь учить уроки, грублю няне, толкнула Дашу. Они не слушали, что Даша воровала мои краски, что собака ругалась, что чашка – некрасивая...

Мама говорила, что я все вру, а папа – что меня вернут в детдом, если я буду хулиганить. И я больше не хулиганила. Я клеила чашку, прятала черную краску и гордо игнорировала Дашку. О, эти вечера – вечера несбыточных надежд и позора, вечера горьких слез... Мы с Никой и Пашей, и иногда еще с Мари и Сашей, забирались в наш шалашик в моем саду (а сад принадлежал только мне) и лежа в обнимку, заморожено слушали дождь и рассказывали сказки про наших настоящих родителей, и про нормальные семьи, и о том, как мы будем любить наших собственных детей... Я детей не хотела, Паша – не семейный человек, зато мы все любили детей Ники.

– Поверьте мне, – горячо заговорил Павел, и тень бывшего вспыхнула и рассеялась от его горячности. – Я бы все отдал, все отдал! Я бы его убил, честное слово! Только бы на миг...

– Нет, – ответил Оскар. – Убивать нельзя.

– А морду набить? – с надеждой спросил Сергей.

– А что это поменяет? Я могу, вернуть тебя, Павел... пожалуй, на один день в прошлое. Но только один раз. Убивать нельзя.

– А некой части тела лишиться можно? – прищурился Павел.

– А силенок хватит? Учти... тебе есть что терять.

– Жена, сын? – спросил Павел сумрачно.

– У тебя есть сутки, – помолчав, сказал Оскар. – Все, что ты сделаешь, невозможно будет вернуть назад. Одна попытка. Постарайся не сделать хуже. Вы, трое – мне нужна помощь. Обычно я беру целителя и еще нескольких людей, но вы все сильны. Светлый эльф, сестра по времени, её нареченный. Особенно светлый эльф...

Особенно я!

Мне хотелось прыгать! Что же я делаю? Мне почти пятьдесят! Я рехнулась на старости лет? Ладно, влюбилась – как говорят, любви все возрасты покорны. Кстати, это откуда? Из

Грибоедова, да? Но вот так – прыгать, как пятнадцатилетняя девчонка? Хотя нет – в юности я так не скакала. Но ведь у меня же были мужчины! Был даже один головокружительный роман с мальчиком на четверть века младше. Нежный, легкий...

– Что надо делать? – откашлявшись, спросила я.

– Ты можешь поделиться энергией со мной?

– А сам-то не видишь? – не удержалась я.

– Светлого эльфа? – он приподнял брови, и у меня закружилась голова. – Светлого эльфа никто не может увидеть, если он сам не позволит.

За спиной хрюкнула Ника, читавшая меня, как открытую книгу. Могу ли я поделиться энергией? Да я отдам тебе все до капли!

– Довольно! – покачулся Оскар, побледнев. – Какая щедрость! Обычно от эльфов не допросишься. Павел, готов?

Павел кивнул. Князь времени положил ему руки на плечи, зажмурился. Пашка смотрел в пространство остекленевшим взглядом. Больше ничего не происходило. Мы растеряно переглянулись.

– Ника, помоги, – тяжело выдохнул Оскар. – Не ожидал...

– Как, как помочь? – вскрикнула Ника. – Загляни в него! – Как?

– Как в Сергея заглядывала!

– Ой! Я так не могу! – покраснела Ника.

Оскар хмыкнул, улыбнулся. Я поняла, что Ника тут не помощник. Между тем Оскар уже посерел и зашатался. На висках и лбу обильно выступил пот. Я бросилась к нему, обхватила за талию, прижалась, уткнулась ему в грудь и сильно-сильно закричала внутри, что люблю его, что он мне нужен, как ни один другой мужчина...

И неожиданно провалилась...

Словно со стороны я увидела растерянного юношу с руками не в алой краске – в крови. Черноглазая девочка бьется в истерике. Тело мальчика – худенького, с кудрявыми светлыми волосами – Алехандро? Но почему? Митя – зажатый в углу милиционерами, злобно зыркающий черными глазами, заламывающая руки мать, хмурый небритый отец...

Павлу наконец-то подадут салфетки, он вытирает руки. Саша мертв. Множество ножевых ранений. Мари сбивчиво что-то рассказывает мужчинам в форме. Павел отворачивается, пожимает плечами. Врачи перевязывают ему ладони – они располосованы.

– Хватит! – хрипит голос над ухом.

– Еще чуть-чуть, – умоляет Павел. – Мне надо сказать, надо объяснить!

– Время!

Голову пронзает боль и свет. Кажется, я теряю сознание. Алехандро, Алехандро! Тоненький мальчик (или девочка?) обнимает мои колени – за что? За его спиной крылья...

– Очнулась? – с тревогой спрашивает Оскар.

Его лицо прямо надо мной, нос почти касается моего носа. Волосы щекочут мое левое ухо. Руки его обхватывают мои плечи, рывком поднимают меня, и, несмотря на непривычную слабость, я чувствую себя безумно счастливой. С блаженным вздохом я прижимаюсь к его груди, прикрываю глаза, ловя ироничный взгляд Ники. Она меня понимает, она всегда могла раскусить любые мои уловки. И сейчас она видит, что мне вовсе не так плохо, как считает Оскар, но я ни за что в этом не признаюсь.

Как хорошо на руках у мужчины! Никогда никто не носил меня на руках. Взгляд мой натывается на Павла. Он, улыбаясь во весь рот, демонстрирует мне ладони, расчерченные тонкими полосами шрамов.

– Так, дружок, опускай меня, – отрываюсь я от груди мужчины. – Я в норме.

Оскар бережно ставит меня на землю, с интересом разглядывая меня. Я же впиваюсь взглядом в Мариэллу. Её густые спутанные кудри острижены под мальчика, вместо больничного костюма – джинсы и пиджак, безжизненный раньше взгляд сияет. Но странное дело – раньше она выглядела куда моложе! Сейчас она выглядит на свои сорок с хвостиком – и седые нити в шевелюре, и морщинки вокруг глаз, и грудь, у неё есть грудь! И талия, и бедра, кстати, тоже.

– Как странно, – говорит Мари. – Мне приснился сон...

– Это был не сон, Мари, – обнимает её Ника. – Пойдем, поговорим, о своем, о женском. Галла?

Мы втроем (Мари в середине) медленно направляемся к замку. К нам подходит рыжеухий, давно наблюдавший за нами. Странно – солнце и не думает садиться. Похоже, прошло совсем немного времени.

Глава 8. Дом, который построил... не Джек

В замке достаточно пустых помещений. Все они очень большие. Отдельную комнату отвели только Нике с Сергеем и детям. Пока там только матрасы на полу. Остальным предложили пока разместиться в общем зале, где предпочитает спать большинство обитателей.

Ника решила иначе, выгнав Сергея и предложив его место нам. Севу тоже отправили спать с отцом. В замке есть еще дети, и Геля уже нашла себе подругу, рыжую девицу лет пятнадцати на целую голову выше её, и ушла осматривать новую обитель.

Заворожено мы слушали Мари – красивую, сильную, уверенную в себе женщину, известную певицу, актрису, мецената...

– Какое счастье жить! – повторяла она нам, с ужасом и театральным заламыванием рук вспоминая, как могла бы сложиться её жизнь, если бы не Паша и Сашенька.

Мари была по-кошачьи влюблена в Павла...

Потом нас пригласили поужинать. В общем зале было несколько длинных столов, за которыми быстро ели жители Цитадели. Они вставали, садились другие. Слуги (или служащие) довольно проворно убирали остатки пищи и приносили новую. Каждый приходил и уходил со своими столовыми приборами. Некоторые сидели на полу, облокотившись на стены – несколько стариков и дети. Нам сунули в руки деревянные миски и ложки, усадили за крайний стол. Скривившись, Ника тыкала ножом в полусырой кусок мяса и переварённые овощи. Хлеб она тоже раскритиковала. Я видела, как она недовольно что-то выговаривала Сергею, уже входившему в роль нового коменданта Цитадели. Вон, как рыскает глазами. Я думаю, в скором времени в Цитадели появится еще и новый повар.

Меня с поклоном тронул за плечо молодой парень с длинными волосами, перехваченными узорчатой лентой.

– Госпожа эльф, – тихо сказал он. – Князь приглашает вас к себе.

– А там кормят лучше? – поинтересовалась я.

– Боюсь, так же, – кисло улыбнулся юноша. – Конечно, госпожа светлый эльф не привыкла к грубости нашей еды, но ведь тут граница...

Я взяла было миску, но юноша жестом предложил оставить её на столе.

Парень провел меня по лестнице на второй этаж.

Комната князя понравилась мне куда больше нашего помещения. Здесь была огромная кровать с балдахином, свежее постельное бельё, широкий стол со скатертью у окна. В углу был еще один стол, заваленный бумагами, картами и книгами. Кровать, кстати, меня заинтересовала больше всего. В моем возрасте уже нет причин ломаться и играть в глупые игры. Хочу.

Оскар благодарно кивнул юноше и предложил мне занять место напротив его.

– Я не сказал вам... – начал он после небольшой паузы.

– А вы знаете, что ваше имя... – одновременно заговорила я.

Мы оба осеклись, смутились и усталились на стол. Посуда тут, кстати, была куда лучше, что-то металлическое (батюшки, уж не из золота-серебра ли?), что-то фарфоровое, еда выглядела чуть приличнее.

– Прошу вас, – склонил свою лобастую голову Оскар.

– Что вы, – покраснела я. – Я так... несущественно...

– Я настаиваю.

Чтобы не выглядеть совсем уж дурочкой, я пожала плечами.

– Я хотела сказать, что в нашей стране ваше имя обозначает «Божье копье».

– Правда? – улыбнулся он. – Мне очень приятно. Прошу вас, составьте мне компанию.

Поскольку поесть я еще не успела, то решила не выпендриваться и наложила себе довольно безопасного с виду вареного картофеля. Интересно, это свидание? Если да, то я

быстро пробираюсь к своей цели. Впрочем, внушительная часть этой цели стояла за моей спиной...

– Я поражен, – наконец сказал он. – Видимо, мне следует благодарить ваш мир за столь удивительную отзывчивость. Вы спасли мне жизнь, мне и вашему брату. Я, признаться, очень рассчитывал на вашу подругу, но она категорически не захотела помочь мне.

– Вы не правы, Ника очень отзывчива, – бросилась на её защиту я. – Просто она растерялась. Иногда она бывает тугодумкой, это так.

– Вы знаете, для светлого эльфа очень необычно думать о ком-то, кроме себя, – вздохнул он. – Я понимаю, что если начну рассыпаться в благодарностях, то могу вас обидеть, но... Спасибо.

Я нахмурилась. Почему бы ему и не рассыпаться в благодарностях?

– Вы хмуритесь, – мгновенно среагировал он. – Я вас обидел. Вы очень любите, да?

– Кого? – поперхнулась я.

– Павла.

Ах ты! Вот дубина! Тебя я люблю, тебя! Неужели этого не заметно?

– Конечно, я люблю его, – мягко признала я. – Он мой брат. Мы трое в детстве были неразлучны, да и теперь между нами сильная привязанность.

Мне показалось, или он вздохнул с облегчением. Неужели?

– А вам в самом деле так понравилась Ника? – с замиранием сердца спросила я. – Боюсь, именно это и удержало её от помощи вам.

Он засмеялся, потом нахмурился. А потом стал рассказывать. Он рассказал о своей семье – жене и сыне, зарезанных орками. О том, что сам он вел в это время войско, и их сторона победила. И что он бы мог вернуть время вспять, спасти родных, но тогда погибло бы множество людей. Как нелегко было сделать выбор. Я подумала, что тот момент я поймала – в сосновом лесу, с безумной молитвой. «Разве прошло время моей власти?» – вот что шептали его губы. Разве может он теперь полюбить?

Я в ответ рассказала ему про наше детство, про свои уши, про сад, про приемную семью.

Он протянул руку, провел пальцем по моему лбу над бровями. От его прикосновения по спине и плечам пробежала дрожь.

– Тут были бы твои родовые знаки, – сказал он, снова переходя на «ты», как днем. – Наверное, желто-алые.

– Ника говорит, что сине-зеленые, – ляпнула я.

– Сине-зеленые? Клан Лесного озера? Никогда бы не подумал. Ты больше похожа на огонь. Ты позволишь мне посмотреть? – с какой-то жадностью спросил он.

– Нет, – отпрянула от него я, вытаращив глаза.

– Почему? – сморщился как от зубной боли он. – Я... неприятен тебе? Или ты боишься? Или не доверяешь?

– Я себе не доверяю, – пробормотала я. – Вы... ты пойми, я тут первый день. А утром я еще была в своем доме...

На самом деле я, конечно, боялась, что он увидит мои сны, в которых он принимал непосредственное участие. Мне не хотелось выглядеть в его глазах непристойно. Пока он глядел на меня, как на старую знакомую, тепло и мягко. С такой отцовской любовью. Наверное, пусть глядит. Я страшно боюсь перемен, хоть и мечтаю об этом. Я трусиха.

– Да, да... А мне кажется, что ты принадлежишь этому миру и всегда была здесь...

Внезапно он по-мальчишечьи улыбнулся:

– Поела?

– Ну...

– Пошли!

Он вскочил, схватил меня за руку и вытащил из-за стола. И откуда в этом огромном мужчине столько прыти?

Мы быстро пробежали по комнате, выскочили в коридор, поплутали по закоулкам и потом долго поднимались по винтовой лестнице. Я уже еле дышала, а он даже не запыхался! Он вытолкнул меня в ночь. Кругом было звездное небо, на котором сияло две луны, холодный воздух. Над головой висел колокол, очень большой, пугающий, давящий во тьме. Мы были на колокольне.

– Смотри, – выдохнул Оскар, вцепившись в мои тонкие плечи и поворачивая меня вокруг. – Разве ты не чувствуешь себя дома?

Я смотрела, задыхаясь от восторга. С одной стороны – серебряная в лунном сиянии пустыня, песок, размытые очертания холмов, черные пятна живых растений. С другой – равнина, а за ней леса. Где-то далеко воздух светился, словно открытая коробка с алмазами. Коробки не видно, но сияние! Хорошо было видно, что Цитадель находится аккурат по границе пустыни и плодородных земель. Ртутной лентой в долину уходила река. Я поглядела ниже. Цитадель лежала как на ладони – широкий пояс стены, открытый загон для скота, огород, сад, небольшой пруд, несколько колодцев, большой огороженный частоколом участок вытоптанной земли – видимо, для учений. Мама дорогая, какая же высокая эта колокольня! Я пискнула приглушенно и вцепилась в рубашку мужчины, спрятав голову на его груди.

– Эй, ты чего? – удивился он.

– Высоты боюсь, – проскулила я.

Не просто боюсь, я в ужасе. Большинство моих кошмаров связаны с полетами. Преимущественно вниз. Мне немедленно захотелось распластаться по полу и не шевелиться. Закружилась голова, застучали зубы, подогнулись коленки. Я б тут и растеклась лужицей по полу, если б не держалась за рубашку Оскара изо всех сил.

Он тяжело вздохнул, обхватил меня руками, прижал к себе. Сразу полегчало, но мысли тут же поползли в другом направлении. Мне показалось, что он коснулся моих волос губами, но на нервах и не такое может почудиться.

– Эльфы, – с легким презрением пробормотал он.

Я немедленно стукнула его кулаком под ребра. Он, не ожидая этого, охнул и согнулся, не выпуская, впрочем, меня из объятий.

– Глупая женщина, – фыркнул он. – Пошли уже, трусиха.

– Кто так обзывается, тот так и называется, – пробормотала я детскую присказку и была вознаграждена взрывом хохота.

Согнувшись уже от смеха, трясаясь и вытирая глаза, он вытащил меня в люк колокольни и поволок вниз по узкой лестнице. Мне стало даже страшнее, чем сверху – а ну как уронит.

– Отпусти меня, питекантроп, – крикнула я.

Меня мгновенно поставили на землю, точнее, на ступеньку лестницы. Колени еще вздрагивали, и руки были слабые, все равно пришлось крепко держаться за перила и спускаться медленно, как старушка.

– Эээ... Оскар, – неуверенно окликнула я хозяина. – А ты меня до моих покоев не проводишь? Я как-то не очень ориентируюсь в этих коридорах.

Новый взрыв смеха. Какой веселый, однако, мужчина! Вообще, я бы нашла комнату, чуть сосредоточившись, но расслабиться-то как раз не получалось. Он проводил меня до комнаты, церемонно поклонился, поцеловал руку.

Глава 9. Утро добрым не бывает

Ника и Геля спали в обнимку у окна, как ангелы, освещенные лунным светом, Мари завернулась в одеяло, как в кокон и тихонько похрапывала. Я упала на матрас не разуваясь и провалилась в сон без сновидений. Проснувшись от колокольного звона. Впрочем, от этого трезвона проснулись, наверное, даже в нескольких километрах от Цитадели.

А хорошо-то как! Воздух дрожит – боммм, боммм. Тишина взрывается утренним шумом – тут же кричат петухи, блеют овцы, начинают разговаривать люди. Сонная прехорошенькая Ангелина потягивается, Ника недовольно массирует виски, а потом, ахнув, вскакивает на ноги. Мари, буркнув что-то, не открывая глаз, извлекает откуда-то беруши, вставляет в уши и переворачивается на другой бок.

Некоторое время мы рассуждаем, что нам надеть – как будто у нас богатый выбор! Я разглаживаю свою юбку, жалея, что не сняла её перед сном, Ника расстроено прячет жилетку – здесь она пригодится не скоро. Одна Геля не унывает, у неё-то есть легкое цветастое платье. Мы выходим во двор – там уже все собрались. Какая-то женщина, поглядев на нас, недовольно качает головой и сует нам в руки куски грубой ткани.

Только этого еще не хватало! Да тут, кажется, намечается богослужение! Оно нам надо?

Мужчины присоединяются к нам. Не хватает только вервольфа. Павел с кислой физиономией разглядывает колокольню, Антон приглаживает руками волосы, он прямо-таки непристойно весел и бодр. Я уже вижу, как на него заглядываются, перешептываясь и хихикая, молодые девушки.

На небольшом возвышении наш хозяин. Он громко приветствует народ и предлагает возблагодарить Господа за новых обитателей Цитадели – то есть нас. Все оглядываются и пялятся, как будто мы чем-то отличаемся от них. Может, и отличаемся. Оскар представляет нового коменданта крепости – Сергея, и, возложив руки на его голову, молится за его благословение, прося у Всевышнего мудрости и терпения. Весь народ опускается на колени. Женщины с покрытыми головами. Мы тоже покорно накидываем на головы платки и опускаемся на колени. Далее следует молитва за благословение на день грядущий. Елки-палки, неужели такая ерунда у них каждый день? Куда мы попали? Фанатики! Религиозные фанатики!

Уф! Оскар говорит «аминь», все поднимаются.

Теперь он говорит, что завтра к вечеру должен прибыть караван с продуктами, металлом и прочими товарами. Все выражают радость и одобрение. Надеюсь, они не собираются молиться и за караван, и за каждого верблюда по-отдельности?

А где Ника? На кухне? Ой-ей-ей! Я, подхватив юбку, бросаюсь искать кухню, но дорогу мне преграждает весьма степенная дама. Оказывается, это жена здешнего священника. Некоторое время (я беспокоюсь переминаюсь с ноги на ногу) она вещает мне о том, что Геля одета крайне неприлично – виданное ли дело, чтобы почти взрослая девица почти четырнадцати лет была в столь коротком платье? Я киваю головой, надеюсь, что она отвяжется, но она не отвяжется. Вообще-то она права. Здесь много молодых парней, и они как-то нехорошо смотрят на девочку. Госпожа Летиция, видя моё смущение, предлагает Геле платье своей дочки и берет девочку под свое крылышко. Тем более, что её дочь – та самая рыжеволосая красавица, с которой Гелька уже нашла общий язык. Пользуясь случаем, я сетую на свою мятую юбку и полное незнание здешней моды. Дама обещает подумать над моим вопросом и удаляется, забрав с собой обеих девочек.

В кухне, как я и боялась, царит ад. Ника вихрем носится по немаленькому помещению, заглядывая во все котлы, все мешки и лари. Вообще-то да, тут грязно. Посуда не слишком чистая, пыльно, стены в копоти, в углу свалены дрова, а рядом – мясная туша, и тут же ведро с отходами. Испуганные повара и женщины жмутся к стенам, и только здоровый мужик в

белом платке и засаленном переднике стоят, как столб, посередине и довольно смиренно внимает Никиным упрекам.

– Бардак развели! – наконец заканчивает Ника.

Повар посмотрел на нее, отложил топор, который держал подмышкой, и демонстративно зааплодировал. Поразительное самообладание!

– Bravo, миледи! – насмешливо пробасил он. – Bravo! Не соблагоизволите ли занять мое место?

Ника удивленно подняла брови, смерив смельчака взглядом.

– Завтрак сегодня отменяется, – наконец, произнесла она. – Чай, хлеб и сыр. Выдать в столовой. Поварам каждый день менять фартук. Завязывать волосы. Постоянно мыть руки. Распределить обязанности. Малышня режет хлеб и сыр – в столовой, слышите! – главный повар разливает чай. Остальные – тряпки в зубы и за уборку! Вода тут есть?

Повар вздохнул и кивнул в сторону каменного сооружения в углу кухни. А я-то гадала, что у нас тут за пирамиды!

Ника подошла к каменному устройству и вопросительно поглядела на повара. Признаться, я тоже не поняла, как работает эта конструкция и подошла поближе. Повар возвел очи к потолку, а потом повернул деревянный рычаг на стене. Из стены хлынула вода. Конструкция, как я уже сказала, напоминала пирамиду. Верхний бассейн был квадратной формы, достаточно большой и глубокий, вероятно, здесь мыли посуду. Но поварятам досюда было не достать. Далее вода через несколько отверстий (под небольшим напором, такими фонтанчиками) стекала в полукруглые каменные чаши, напоминавшие наши раковины. Там даже сливные отверстия были снизу. Потом вода лилась в последний бассейн на уровне колен. Очевидно, там полоскали тряпки, возможно, стирали и набирали воду. На редкость рациональное устройство! С одной стороны нижний бассейн был широким – почти полметра, а с другой – практически щель, видимо, чтобы удобней было подходить. И самое великолепное – от воды шел пар! Она была горячая!

– Геотермальные источники, – пояснил повар, улыбаясь моему детскому восторгу. – Но пить её нельзя.

– Так-так-так, – пропела Ника. – Это же замечательно, великолепно!

И, повернувшись к повару, ткнула пальцем ему в живот:

– Фартук снимай, живо!

Ника прогнала повара и деток помладше в зал раздавать завтрак и самолично выстирала фартук.

Потом собрала всех молодых женщин, которых смогла найти (не пожалев даже своей дочери), набрала тряпок и, подоткнув подол, принялась за уборку. Грязную воду из ведер, кстати, сливали в дырку в полу. Уж куда она дальше шла, не знаю.

Да, я тоже бегала с тряпкой. А что делать? К обеду кухня была вылизана дочи́ста, а Ника уже совещалась с главным поваром о возможности отгородить части огромного помещения под склад продуктов и ледник. Муку, значит, снизу, а специи повыше. Обед они готовили вместе, уже закадычными друзьями.

Поварята в чистых беленьких передничках и косыночках споро чистили овощи. Женщины месили тесто (Ника обещала убедить Сергея придумать какой-нибудь механизм для упрощения этого процесса), ощипывали птицу, резали яблоки на пирог. Я же пыталась составить смесь для травяного отвара, ибо, как оказалось, чай здесь был в дефиците. Поэтому я перебирала сухие травы, складывала их по мешочкам, в которых предполагала их заваривать по принципу чайных пакетов, тщательно обнюхивая каждый листочек.

– Все в порядке? – раздался голос хозяина крепости от дверей. – Ого! Да тут операции проводить можно – такая чистота!

– Я бы и вам рекомендовала вытирать ноги, – звонко крикнула Ника, высунув нос из ящичка с корицей. – Мы боремся за чистоту производственного процесса!

– А обед сегодня будет, или как с утра? Там народ волнуется.

– Обед будет всенепременно, – заверила его Ника. – Как заведующая столовой, я вам это гарантирую.

За её спиной высунула язык и закатила глаза Геля, которую Ника приставила к измерению и классификации посуды. Бедный ребенок! Впрочем, жестокосердная Ника и раньше держала детей в черном теле, заставляя их выполнять работу по дому – пылесосить, готовить, мыть посуду. Геля готовила уже с десяти лет, несмотря на то, что у них были повар и уборщица. Так что Севе крупно повезло, что он был прикомандирован к отцу.

Сергей, насколько я знала, сейчас разбирался с бумагами коменданта. И бывший комендант, и Сева помогали ему.

Оскар еще раз оглядел глазами кухню (трупов не было, все казались довольными жизнью), заметил меня, кивнул. Я расплылась в улыбке...

Разложив травы (не все, конечно – а на ближайшую неделю), я поскакала в огород. Огород мне понравился. Ровные ряды морковки, лука, свеклы, кудрявые заросли гороха, кусты малины и смородины. Бобы и фасоль – ну надо же, рядом со свеклой, я также всегда сажала. Картофель уже по колено. А вот кукурузы нет, а здесь можно её выращивать. Климат вполне позволяет. Длинные узкие грядки клубники – и ни одной красной ягодки. Кто-то внимательно следит за сбором урожая. Глубоко вдохнув благоухающий воздух, я направилась к саду. Да! Тут были целые заросли мяты. И изрядно подранные листья валерианы. Кошки, здесь, по-видимому, присутствуют.

Кстати, о птичках! Где-то утром кукарекала живность. В кухне было молоко – значит, были и коровы. Впрочем, кашей и простоквашей, по словам повара, кормили только детей и беременных женщин, значит, коров не так уж и много.

И собаки лаяли.

Немного поплутав, я нашла под одним из деревьев здоровенного лохматого пса. Он поднял на меня мутные глаза. Бедняга! Это северная собака, и она явно измучена жарой.

– Привет, песик, – ласково сказала я.

Я ни разу не собачница, но этот пес был явно благородных кровей и внушал уважение. Пес кивнул мне и снова склонил кудлатую голову на лапы. Язык у него болтался, будто красная тряпка.

– Отойдите, миледи! – раздался крик сзади.

Я оглянулась. Ко мне со всех ног мчался старик с длинной белой бородой – точь-в-точь старик Хоттабыч.

Глава 10. В каждом монастыре свой уклад

– Ты подумай, – доверительно сказала я псу. – Он тебя боится.

Пес зевнул, показав огромные клыки, и засмеялся. Я засмеялась вместе с ним.

– Миледи, отойдите от собаки, – повторил старик, остановившись на безопасном расстоянии.

– Чей это пес? – спросила я, почесав нового приятеля за ухом.

– Это... ничей. Он к нам прибил, князь велел его оставить. Ну и злейшая же тварь! Никому не дается, а еду принимает как дань. Он, видимо, считает, что он тут самый главный.

– А я и есть самый главный, – рыкнул пес.

Старик шарахнулся.

– А ну не шуми, – прикрикнула я. – И вообще, разгавкался тут, умник.

А ведь в самом деле, умник! Обычные, то есть российские, собаки лаяли куда менее связно: «Мячик, догнать», например, или «Голоден», «Чужой», «Ненавижу». А этот – с интеллектом на уровне человека. Пес легонько боднул меня в бок, положил морду мне на колени и вздохнул. Хоттабыч с некоторой опаской подошел поближе.

– А ты, девонька, никак собак понимаешь? – поинтересовался он. – А в роду у тебя эльфов не было? Ты только не обижайся на меня...

А чего тут обижаться? И так понятно, что эльфы с нашими, то есть с человеческими, женщинами не связываются, а если и связываются, то на одну ночь. И то, возможно, нетрезвые. А женщины

– Эльфы, судя по всему, были, – хмуро ответила я. – Папа и мама. И я не девонька, мне сорок семь.

– Да ну? – не поверил старик. – А ушки-то у тебя не эльфийские.

– Это уже моя проблема, – отрезала я. – Я эльф, не веришь – спроси у Оскара, в смысле, у Князя.

– Спрошу, спрошу, – мирно ответил старик, осторожно присаживаясь рядом и косясь на пса. – А зовут тебя как?

– Галла, – ответила я. – А вас? Не Хоттабычем, случайно?

– Меня все дядюшка Рахман называют, я тутшний садовник. А раньше у эльфов садовничал.

Видимо, «садовничал у эльфов» – это высшая степень призвания, решила я. А заодно очередной намек на мои уши.

– Я и говорю, Гасан Абдурахман ибн Хоттаб, – засмеялась я.

Старик юмора, естественно, не понял, и я вкратце пересказала ему «Старика Хоттабыча». Когда он закончил смеяться, рассказала и про Азazelло из Булгакова.

– А огород у вас, дядюшка Рахман, и в самом деле, образцовый, – похвалила я старика. – Я ведь, знаете ли, думала, что лучше, чем у меня, огорода не бывает. Так вот у вас хоть и не лучше, но несколько не хуже. А капусту выращиваете?

– Помилуй, дочка, капусту уж собрали, – улыбнулся старик. – В подвале лежит. Теперь мы уж картошку засадили.

– А огурчики-помидорчики?

– А смысл? – вздохнул старик. – Овощ нежный, долго не лежит. А возни-то с ним...

– А мариновать?

– А умеешь?

– Я-то не любитель, а вот Ника... А зима здесь бывает?

– Куда она денется, бывает, – усмехнулся старик. – Полгода почитай, непогода. Дожди, а потом снега выше крыши.

– А что, зимой ничего не растите? Тут с вашими горячими источниками такую оранже-рею отгрохать можно! И зимой свежие овощи будут.

– А ну-ка, девочка, расскажи, что это за изобретение такое – оранжерея?

Я хотела было ему рассказать, но пробил колокол – обедать. Болтая, мы направились к замку. Я потрепала пса по холке, пообещав что-нибудь вкусненькое захватить, а он в ответ предложил поискать ему местечко попрохладней.

Да, обед значительно отличался от вчерашнего ужина! Густой суп с пряными травами, сочное жаркое и яблочный пирог на десерт! Народ был в восхищении. Я разыскала своих и присела рядом. Взгляд мой упал на Сергея. Мамочка! Я уронила ложку и раскрыла рот. Шрамов совсем не было! Только одна щека осталась не слишком приглядной, но это было не отвратительно и страшно, а даже придавало ему шарма. На шее и, смею предположить, ниже не осталось никаких следов. Вероника победно усмехнулась.

– Это целитель поработал, – сообщила она. – Тот юноша с узорчатой лентой, который тебя вчера увел.

– Великолепно! – похвалила я. – Он у тебя теперь такой красавец!

– Он всегда таким был, – улыбнулась Ника.

После обеда я, захватив Севу и Гелю, и еще нескольких ребят, отправилась в сад к песику и, преодолев все его возражения, утащила его к ручью. Врагов поблизости не наблюдалось, и часовой спокойно выпустил нашу компанию. Там мы, визжа и брызгаясь, вымыли пса и остригли свалаявшуюся шерсть, чтобы ему не было так жарко. Пес ворчал, но терпел. Сева, любивший животных, вызвался его купать и расчесывать каждый день, но другие мальчишки подняли гвалт. Пришлось устанавливать дежурство.

Всего в замке было десятка два детишек в возрасте от семи до шестнадцати лет. В основном мальчишки. Девочек было всего четыре, считая Гелю. Все они были детьми семей, пришедших в Цитадель за защитой, да тут и оставшихся. Двое – рыжеволосые Ханна и Исак – дети священника. Трое мальчишек – внуки бывшего коменданта, сейчас приболевшего. Он с радостью готовился к заслуженной пенсии. Их родителей убили орки. Помимо Князя времени, коменданта и священника, в замке было еще несколько человек высшего статуса. У нас бы их называли дворяне, но тут не было правящего класса как такового, был класс воинов, ремесленников, целителей, крестьян, купцов, духовенства... Все обладали равными правами. Крестьянин, хорошо ведущий хозяйство, мог быть выбран в деревне старостой, а если деревня процветала под его руководством – волостным головой – управляющим округом. Далее его карьера могла дойти до управления несколькими городами, а дальше уже – в совет государства. А правителей тут избирали на определенный срок – на десять лет, кажется. Могли и выгнать, если что не так. А если все устраивало – и полвека можно править.

Долины и часть лесов испокон веков принадлежали людям, темное Лихолесье – вервольфам. Эльфы предпочитали горы и ближние к ним леса. Глубины гор, естественно – гномам, моря – гаррам, в пустыне – орки и гоблины. Красная земля – вулканы, долина огня, гейзеры – бесам, демонам и прочей нечисти. Были еще «облака» – самые вершинки гор – там обитали ангелы и силфиды, предпочитающие холод и разреженную атмосферу.

Еще в замке был отряд опытных воинов – около трехсот человек. Среди них один главный – Князь Времени, трое сотников, тридцать десятников. Каждый десяток тренируется особо. Кто-то специалист по лесам, кто-то по пустыне, кто-то по горам. Есть разведчики, картографы, инженеры. Рыжеухий Азазелло-Руан был одним из сотников. У него здесь была жена и сын, тоже рыжий. Все вервольфы. Что-то у них, видимо, в своем племени не сложилось.

Здесь, в Цитадели, не было ни эльфов, ни других светлых. Были вервольфы, люди и несколько орков. Когда дети показали мне на них, я долго удивлялась. Ну какие же это орки? Это же негры – высокие, с черной кожей, приплюснутыми носами. Клыки, правда, и выступающая нижняя челюсть, и абсолютно безволосые, только брови и кучные ресницы (правильно,

чтобы пот в глаза не попадал), ну и уши острые, с множеством сережек, но мало ли какие в Африке бывают племена? Хорошо хоть, без колец на шее и тарелок в губах. Кстати, чем больше сережек, тем выше воинский статус. Учитывая, что все четверо были просто увешаны бижутерией – и как у них уши не отваливаются? – все бывалые воины.

Орки – воины-кочевники. Они не знают земледелия, зато отлично управляют с любым оружием и наделены огромной силой. Справиться с ними один на один может только хозяин Цитадели, да и то он берет не силой, а ловкостью. Кроме того, я думаю, он жульничает, заглядывая в прошлое.

Вообще, я смотрю, события, начавшиеся столь увлекательно в России, как-то поутихли. Где оборотни Трибунала, погони, леденящие душу угрозы? Действие переходит в банальный дамский роман. Мой и Оскара. Главный герой – реально главный и реально герой, хм. Классика жанра. Красивый, высокий, одинокий, самый-самый... Ну я-то, понятно, для себя главная героиня, чего мне наблюдать за романами других людей? Тем более, Мариэлла не оставила попыток завоевать Павла, да и Антон времени зря терять не будет. Почему-то я уверена, что каждый, наконец-то, найдет свое место в жизни. Я, например, совсем не пугаюсь этих толп народа, снующих туда-сюда, хотя в свое время предпочитала одиночество. Я открыта к общению, хотя раньше избегала женских посиделок. Мне хочется быть красивой, и я старательно разглаживаю красивое зеленое платье, найденное мне госпожой Летицией, я заплетаю волосы и интересуюсь у Ники, нет ли у неё косметики. Я ловлю взгляд хозяина замка, останавливающийся на мне слишком редко, и с нетерпением жду каравана. Говорят, с ним обычно прибывает торговец с целой торбой женских штучек.

Ника браво командует своей столовой. Сергей проводит ревизию помещений и заповос замка. Павел проинспектировал систему водопровода, нашел её гениальной и принялся за ремонт дозорной башни, разрушенной, о ужас, драконом во время последнего нападения. Мариэлла зачастила в дом священника, репетирует с ним арии. Антон с унылым видом таскается за лекарем. Дети тоже были в восторге от новой жизни.

Кстати, вся ребятня лет с шести была задействована в нуждах замка с утра и до обеда. Кто-то помогал на кухне, кто-то работал в огороде, кто-то намывал полы и окна, работал на конюшне. После обеда им разрешалось гулять и играть. С десяти лет дети еще и учились читать и писать под руководством местного священника. Его жена и еще несколько степенных дам командовали в замке стиркой, уборкой, штопкой, глажкой. Работы было невпроворот – попробуй-ка постирай постельное белье на чатыреста с лишним человек, да приberi за каждым. А ведь они еще и шить, и вышивать успевали! Когда Ника взяла на себя кухню, все вздохнули с облегчением. Свою одежду каждый стирал сам, и набор посуды тоже у каждого был свой – деревянная миска, ложка и кружка. Только у хозяина замка и его гостей, коменданта, лекаря и сотников было право пользоваться фарфоровой посудой. Как-то так получилось, что мы все, кроме вервольфа и Антона, оказались на привилегированном положении. Вервольфа очень злило, что ему приходилось есть за общим столом, а нас усаживали за стол хозяина. Дети, впрочем, быстро отказались от этой чести, предпочтя общество своих сверстников. Антону же выдали деревянную посуду, и обедал он со своим наставником.

В отличие от остальных, я что-то не могла найти своего места. С огородом прекрасно справлялся Хоттабыч, моя помощь требовалась нечасто. К женской работе – стирке, готовке и уборке – я особого рвения не испытывала, да и Ника не велела мне лезть, чтобы соблюсти статус леди, а не служанки. Пожалуй, стоит заняться тем, что я умею – работать с детьми. А то умру со скуки.

Глава 11. Женская доля

Караван почему-то задерживался, а со мной на шестой день пребывания случилась неприятность. Проснувшись утром, я с ужасом обнаружила на простынях красное пятно.

– Ника! – завопила я, естественно, всех разбудив.

– Чего? – недовольно приоткрыла один глаз Вероника.

– Ника, у меня кровь!

Ника посмотрела на пятно, на меня, снова на пятно.

– Месячные? Поздравляю. Ты не беременна, – и снова улеглась.

– Какие месячные? – взвыла я. – У меня отродясь месячных не было!

– О, ты стала взрослой? Прокладок не дам, и не проси. Узнай у дам, как они обходятся.

– Ника, ну Ника же, – толкала я подругу. – Я правду говорю, у эльфов, наверное, не должно быть этих самых дней!

– Ох, горе ты мое, – вздохнула Ника. – Не даешь поспать. Ну чего мне, за целителем топтать?

Я жалобно смотрела на неё. Вероника снова вздохнула, оделась и поплелась будить целителя.

Краснея и заикаясь, юный целитель признался в своей некомпетентности относительно этой стороны жизни эльфов.

– Я, конечно, могу роды принять и все такое, – растеряно извинялся он. – А эльфов я не лечил. Вот караван придет, там иногда Аарон с ними ездит... самый странный из всех эльфов, наверное. Он тоже целитель, у него и поинтересуйтесь.

Зашибись! И как женщины с этим кошмаром справляются? Это же каждый месяц на неделю из жизни выпадать! А если кто заметит, пятно появится или еще что? Слава Богу, обошлось тремя днями, но понервничала я изрядно. Что еще за напасть на мою голову? Особенно в воскресенье, когда было торжественное богослужение, и все слушали проповедь священника, я тряслась от страха, что кто-то узнает...

Каждое утро тут начиналось с молитвы, а в воскресенье так вообще двухчасовая служба с пением гимнов и псалмов. На мой взгляд, эти ребята чересчур религиозны, хотя если им это помогает... Во всяком случае, в замке была строгая дисциплина, никакого разврата, запрещены ругательства и богохульства, и каждый занимался своим делом, не лодырничая и не уваливая от работы. Дети были послушны родителям, родители были ласковы и заботились о детях, в то же время предоставляя им достаточно свободы. Все это даже напомнило мне Советский Союз и наше детство – целыми днями на улице, с разбитыми коленками и ветром в волосах. Не хватало только каруселей, но Павел и Сергей уже работали над этим. Да, здесь был почти рай... И после абсолютного отказа от норм морали, после сексуальной революции 80-90-х годов для нас, детей прогресса, это было странно и радостно.

Вот только одежда меня несколько не устраивала. В джинсах не проходишь – неприлично. Хорошо хоть, корсеты не носили. Простые платья из холста, серые, черные, темно-зеленые, темно-синие, спереди на пуговках, длиной до лодыжек. Из украшений – белые воротнички и шали. Летом, да на кухне в таком платье сущий ад. Это уже потом Мариэлла взялась за переделку юбок и придумала новый костюм – легкую белую кофточку из батиста, с широким вырезом и приспущенным плечом, и юбку-шестиклинку из небеленого льна с широкими карманами (как у меня). Костюм пользовался огромным успехом! Его сразу согласилась надеть даже госпожа Летиция, которая тут была первой дамой. До появления Ники, естественно. А для молоденьких девушек Мари с увлечением придумывала сарафаны, но вот с тканью была беда, а каравана что-то не было.

Бесит меня уже этот караван.

Я сидела под сенью вишневого дерева, болтая с псом. Это животное положительно мне нравится. Он построил всех здешних кошек и собак (двух мелких, глупых животных, лающих очень громко). Князю была по душе нынешняя жизнь, он охотно возился с детьми и рад был со мной поболтать в свободное время. О себе пес рассказывать отказался категорически, я только могла предположить, что он откуда-то с севера, судя по густой и длинной шерсти.

Был предобеденный час, и в саду было пусто. Все заняты – кто обедом, кто учениями. С пустыря доносились задорные вопли – Антон обучал малышню играть в футбол. Я развалилась на зеленой травке, положив голову на мягкий бок пса, и рассказывала ему про то, как жила раньше.

Запрокинув голову, так, что волосы рассыпались по земле, задрав юбку выше колен, чтобы ноги загорали, распустив ворот блузки, оголив плечи, я наслаждалась жизнью и праздностью. Тряхнув головой, чтобы убрать челку со лба, я заметила что-то лишнее. К нам приближался хозяин замка. Я ужом соскользнула с пса, поправила блузку, одернула юбку и села прямо. Стыд-то какой! Что он обо мне подумает теперь?

– Привет! – улыбнулся он. – А я тебя искал.

– Соскучился? – усмехнулась я, и прикусила себе язык.

Какой бес меня толкал кокетничать с ним? А вдруг он пришел выбрать меня за безделье?

– Вроде того, – широко улыбнулся Оскар.

Выглядел он не слишком авантажно – короткие штаны и безрукавка были в сырых пятнах, с волос капала вода. Он явно купался. Я сглотнула и отвела глаза, чувствуя непреодолимое желание коснуться его влажной груди. И вообще, на него было слишком приятно смотреть.

Он сел рядом, облокотился на ствол вишни.

– Ну как ты тут? Что-то не слышно тебя. Я ожидал от эльфа более кипучей деятельности.

– Да как-то никак, – честно призналась я. – У остальных получается гораздо лучше.

– Да уж! – ухмыльнулся он. – Ваша Ника тут все с ног на голову поставила. Слава Богу, её энергия меня миновала! Представляю, как она завоевывала мужа! Бедняга...

– Что, передумал за ней ухаживать? – ехидно спросила я.

– Упаси Боже! – шутливо ужаснулся он. – А знаешь...

– Не знаю, – улыбнулась я.

– Я думаю, как вы все пришли к двору тут, – серьезно сказал он. – Словно Господь вас лично за руку вел. Вы тут как будто заткнули дыру в мироздании. С вами этот мир обрел целостность.

– Даже со мной? – с горечью спросила я.

– Мне кажется, что твоя роль будет куда сложнее, чем у твоих спутников. Твой путь только начался. Тебе предстоит уехать отсюда в земли эльфов, это уж точно.

Я закусила губу. Он сейчас точно озвучил мои сомнения. Вероятно, я отправлюсь в путь с караваном. Чтоб он провалился, этот караван!

– Знаешь, я так этого боюсь, – вздохнула я. – И боюсь, и жду...

– Я тоже, я тоже...

– Почему? – прямо спросила я.

Караван так караван. Значит, времени на предварительные ласки не осталось. А с другой стороны, если я уеду, терять мне нечего.

Он посмотрел мне в глаза, взял за руку. И в этот момент, когда грудь моя вздымалась, глаза загорелись, а сердце заколотилось как бешеное, это чертова псина вскочила на ноги и негромко гавкнула:

– Я чую караван.

Я скривилась. Оскар тихонько засмеялся.

– Где караван?

– Будет здесь к ночи. Или завтра утром, – ответил пес. – Скорее даже завтра, они захотят передохнуть.

– Караван будет завтра, – уныло сказала я Оскару.

– Что ж, – ответил он. – Завтра так завтра. Мука уже на исходе.

На исходе, как же! Просто Ника часть запрятала, она такая. Запасы на случай голода.

– Пожалуй, надо собрать вещи.

– Не спеши. Они неделю тут пробудут. Да еще неизвестно, куда они дальше.

Неделя, у меня есть неделя! Какое счастье!

Голова у меня кружилась, ладошки чесались. Неделя!

И тут я поняла, что со мной такое. Мне нужно в место силы. Прямо сейчас. Будь я дома, я бы села в машину и поехала, но тут...

– Оскар, ты очень занят?

– Сейчас? Да нет. С тех пор, как твои друзья взялись за дело, у меня значительно больше свободного времени.

– Мне надо за ворота.

– Куда? Зачем?

– Надо. Очень надо.

– Прямо сейчас?

– Ага.

– Ну пошли.

Мы взяли в конюшне коня (я верхом не ездила), он усадил меня перед собой, обхватив за талию, предупредил часовых, и мы рванули. О! это было лучше даже, чем езда на автомобиле! Юбка, правда, задралась, оголив колени – ну а что, ноги у меня красивые. Не знаю, сколько мы скакали, но я была как всегда – в легком трансе, и автоматически направляла лошадь туда, куда мне нужно, легким нажатием на руки моего спутника. Минут через двадцать я поняла – здесь. Соскочила с лошади, не переломав ноги, побежала. Не знаю куда, просто побежала. К счастью, занесло меня все же не в пустыню, а в зеленую степь, к какому-то дубу, огромному, в три обхвата. Нога у меня подвернулась, я упала па землю, перекатилась на спину, раскинула руки... Красота! Оскар, бросившийся за мной, увидев, что я не рехнулась, замедлил шаг.

И я запела. То, что дома напоминало придушенное мурлыканье, прозвучало неожиданно звонко и где-то даже красиво. Более того, почти сразу же ко мне присоединился второй голос. Боже, он действительно певец. И, по-видимому, знал эту песню! Теперь уже я не напевала, а подпевала. Даже поднялась, подошла к нему, привычно уже вцепилась в безрукавку и поднялась на цыпочки, запрокинув голову. Он пел потрясающе красиво, я как могла, подпевала, следовала за переливами его голоса. Сколько мы так пели, не знаю. То ли вечность, то ли несколько мгновений. Но это было... было... неописуемо прекрасно. Я наполнилась энергией, восторгом, радостью. Песня закончилась, из глаз у меня текли слезы восторга и счастья.

А потом... я не знаю, что на меня нашло. Я сама обхватила его голову, потянула за волосы (чутьочку влажные, горячие от солнца, жесткие и гладкие) и поцеловала. Он замер сначала, а потом я поняла, что ничего раньше не знала про поцелуи. До боли, до хруста в позвоночнике он сжал меня в объятьях, и целовал – жадно, горячо, как будто пил меня... Толкнул меня к дубу, впечатал в жесткую кору спиной. У меня болела шея, кажется, кровоточили губы, не хватало дыхания, но я ни за что не согласилась бы это прервать. Нашла ногой какой-то корень, поднялась, будто на ступеньку. Стало легче шее. Потом поняла – хватит. И он понял, оторвался от меня, прижался влажным лбом к моему лбу. Так мы и стояли – хватая воздух губами, вздрагивая, не в силах отделиться друг от друга.

– Черт, – наконец сказал он с ядовитой насмешкой. – Я забыл, что эльфы после этой песни всегда целуются.

Глава 12. Любит – не любит – плюнет – поцелует

Боже, как холодно! Кажется, что северный ветер внезапно засыпал меня колючим снегом, пробрал до самых костей. Солнце палило нещадно, а я дрожала и стучала зубами. Что это со мной? Неужели я заболеваю, впервые в жизни? Я проскользнула под рукой Оскара, зябко растирая плечи, направилась к лошади. Мне не больно, мне не больно – как мантру твердила я про себя.

Вот что он про меня подумал! Все эльфы! Кстати, чего это они целуются? То, что мне тут порассказывали про холодных и бесчувственных эльфов, позволяет предположить, что они вообще вегетативно размножаются.

Холод немного остудил мои мозги, и я стала раздумывать – то ли ответить ему на преднамеренное оскорбление, то ли гордо промолчать. Время, господа, время! А время работает не на меня, увы.

– Я похожа на остальных эльфов? – холодно поинтересовалась я, не оборачиваясь.

– Ты же знаешь песню жизни, – не менее холодно ответил Оскар.

– Я всю свою жизнь прожила в России. Там нет эльфов. Я понятия не имею, целуются вообще эльфы или нет. А песню я пела с самого детства.

Я хотела было ему сказать, что обычно у меня не было привычки целоваться после пения, но прикусила язык. Если пела одна – то понятно. А ведь несколько раз со мной были мужчины. И я целовалась... И не только. Черт, черт, черт!

Словно прочитав мои мысли, он спросил:

– И что же, ни разу не целовалась после неё?

– Целовалась, – нехотя признала я. – Но не с каждым и не каждый раз.

– Вот как? – я прямо чувствовала, как его брови поднялись вверх в насмешливом удивлении. – Так мне оказана честь?

– Ты что-то не высказал особого сопротивления, – огрызнулась я.

– Галла, я не знал женщин почти восемьдесят лет. С тех пор, как у меня жена умерла. Ну почти не знал... Если красивая женщина целует меня, я могу потерять голову.

Я обернулась, посмотрела, наконец, на него. Отставим в сторону вопрос о его возрасте. Пока меня интересовало другое.

– А я красивая?

– Да.

Он приподнял пальцем мой подбородок, заглянул в глаза:

– Почему, Галла?

– Я люблю тебя, – буркнула я.

А что ему еще сказать?!

– Что?! – изумился он.

– Я люблю тебя, придурок! – закричала я. – Я любила тебя еще в своем мире! Ты мне снился по ночам! Я рисовала твои портреты! Один даже не сожгла сразу. В сосновом лесу, на коленях, в молитве...

Он мучительно побледнел.

– Разве прошло время моей власти? – прошептал он, прикрыв глаза.

– Именно, – ссутулилась я, опустив голову, закрыв лицо волосами.

Мне было... нет, не стыдно. Что постыдного в любви? Просто вот так, высказав все, что было на сердце, я стыдилась своей несдержанности. В конце концов, здесь такое поведение было вряд ли принято.

– Галла, – мягко сказал он, убирая волосы от моего лица. – Галла... То, что ты сказала... Это честь для меня.

– И только? – с горечью спросила я.

– Не только. Ты мне нравишься. Пожалуй, я даже немного влюблен. Ты красивая, добрая, щедрая. Но ведь дело не в этом. Ты знаешь... я всегда влюблялся в эльфиек. Они такие красивые, утонченные, так не похожи на наших женщин – сильных, ярких... О! Я бредил эльфийками. Я не ангел, Галла. Я мужчина. У меня есть определенные потребности. Правда. Но я и паладин тоже. А значит, я должен быть чист перед Богом. Увы, ни одна эльфийка не пошла бы за меня замуж, хотя поразвлечься, возможно, и согласилась бы.

– Замечательно, – буркнула я, прижав руки к горящим ушам. – Очень прочувствованная речь о вожделении к эльфийкам. Надо думать, я, хоть и ушами не вышла, вхожу в область твоих эротических фантазий.

– Галла! – рассмеялся он. – Ты великолепна! Я столько не смеялся за последние восемьдесят лет, сколько за неделю с тобой.

– Ну супер! Я еще и клоун!

– Не обижайся, – обнял меня он. – Я хочу сказать... Да черт возьми! Я как тебя первый раз увидел, подумал – только эльфов нам и не хватало! А потом ты плеснула своей энергией... И я пропал. Галла, я не могу сказать, что я люблю. Но я могу сказать – ты мне нужна. Рядом с тобой я почувствовал себя живым, впервые за много лет. Если это не любовь, то уже её ростки. И твои сны – это не случайно. Значит, нам суждено было встретиться.

Я уткнулась лбом в его плечо. Боль не уходила. Любит-не любит-плюнет-поцелует... Чего я добилась своим признанием? Ни-че-го!

– Поехали домой, – тихо сказала я. – Мы тут одни и без оружия. Мало ли что.

Он вздохнул, посадил меня на лошадь, запрыгнул сам.

Назад ехали молча, медленно, вяло.

Потому бряцанье металла и гул голосов мы слышали издалека.

– Караван, – процедил сквозь зубы Оскар. – Надеюсь. Посмотрим?

– А если не караван? А если орки? – хмыкнула я.

– Тогда тем более посмотрим.

Мы направились в сторону шума.

Через некоторое время я увидела незабываемое зрелище. Десятка два повозок, крытых разноцветной тканью или шкурами, несколько цыганских кибиток, раскрашенных невероятными узорами, организованная толпа людей, кто на осликах, кто на повозках, кто пешком, несколько воинов на боевых, я думаю, лошадях.

Мы направились к каравану. Да, неизвестно, кто выглядит круче – они или мы. Хорошенькое мы представляем зрелище – растрепанная баба с голыми коленками и полуодетый и босой хозяин Цитадели. Я боюсь, что ни у кого не возникнет сомнений, что мы делаем вдвоем в степи. Слава Богу, я хотя бы одета. Нас заметили и, я думаю, узнали, во всяком случае, никто не бросился к нам с криками, потрясая саблями. Напротив, люди сразу оживились, замахали руками.

Караван продолжал двигаться. Он явно был слишком растянут, чтобы так просто остановиться. Оскар спрыгнул с лошади, взял её за повод, весело поприветствовал дородного мужчину на упитанной лошади.

Купец, в свою очередь, выразил радость от неожиданной встречи.

– Заждались вас уже! – попенял ему Оскар. – На неделю позже, чем ждали.

– Да это все Аарон, – пожал круглыми плечами купец. – Деревня по дороге попала, там какой-то мор был. Чертов эльф не успокоился, пока всех не вылечил, а потом еще отдыхал два дня.

– Надо думать, – согласился Оскар.

В голосе купца не было осуждения «чертова эльфа», напротив – веселое восхищение.

– Я все слышу! – раздался звонкий голос, и к нам, ловко прыгая с повозки на повозку (акробат, ей-Богу!), приблизился тоненький длинный эльф.

То, что это не человек, было понятно сразу. Личико у него было точеное, безупречное, глаза зеленые, яркие, но все же – мужские. Фигура складная, плечи в меру широкие, бедра узкие. Ни грамма лишнего жира – спортсмен, но не силовых видов спорта. Скорее, фигурист или танцор. Длинные светлые волосы заплетены в косички на висках, убраны в хвост. Над светлыми бровями замысловатая вязь – не то рисунок, не то татуировка. Какие-то листики-стебельки-цветочки, розовые с зеленым. Красиво очень. Ну и уши, понятно. Здоровенные такие уши, острые. В одном здоровенная дырища (привет, племя Мумба-Юмба), в другом – красивый зеленый камушек. И сам-то эльф такой чистенький, аккуратненький – мышастая безрукавка с вышивкой (опять же розово-зеленой), темно-зеленые штаны в обтяжку до колен и короткие сапожки из кожи, на вид похожей на змеиную.

Оскар посмотрел на него как-то неприветливо, тот тоже ему еле заметно кивнул. Кажется, эти двое не особенно дружат.

Ах, эльфы! Теперь я понимаю, почему все так ими восхищаются! До чего же красивый мальчик! И лицо доброе, открытое, взгляд прямой. И словно исходит от него какое-то сияние. Ну да, в душе его не без тьмы, но ясно, что свет – абсолютный властелин его сердца.

У людей в крепости обычно серединка на половинку – есть и тьма, есть и свет. Света обычно больше. Так чтобы почти один свет – это мало у кого, разве что у Ники и у детей. Ну и у священника, что внушает уважение. Еще по России знаю – священником можно стать только по призванию. Это призвание даже круче, чем у врачей. Не всем удастся, не всем. В грязь да с головой – это всегда пожалуйста. А вот так чтобы по локоть, а дальше не только не запачкаться, а других из грязи вытащить – это архисложно. Это надо жить словно в другом мире, а этот, навязанный людьми, мир принимать как неизбежное, но непривлекательное средство достижения цели.

В общем, этот эльф тот еще священник.

Оскар, кстати, вообще для меня непонятная личность. Он не светлый и не темный. У него нет деления. Он как алмаз с гранями то сверкающими, то вдруг тускнеющими до чернильной тьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.